Искусно сплетенная современная сказка.
The Times Magazine

В.К. ЭНДРЮС

Руби

Роман

Сочетание невероятной интриги
с состраданием к тем, кто попал в ловушку.
The Times

Лэндри

Вирджиния Эндрюс

Руби

«Азбука-Аттикус»
1994

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Эндрюс В. К.

Руби / В. К. Эндрюс — «Азбука-Аттикус», 1994 — (Лэндри)

ISBN 978-5-389-11939-0

Роман «Руби» открывает увлекательную сагу о семействе Лэндри, созданную известной американской писательницей В. К. Эндрюс. Красавице Руби пятнадцать лет, она выросла в Луизиане, в среде каджунов (это потомки выдворенных в XVIII веке с территории Канады жителей бывших французских провинций). Мать Руби умерла, поэтому воспитанием девочки занималась ее бабушка Кэтрин, гордая и добрая каджунка-знахарка. Она непримиримо враждебна по отношению к собственному мужу – живущему в лачуге на болотах Джону Лэндри, который Руби кажется вполне безобидным пьянчугой. По мере взросления, однако, девушке открываются все более темные страницы семейной истории, а смерть любимой бабушки меняет судьбу Руби навсегда…

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-11939-0

© Эндрюс В. К., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Пролог 6
Книга первая 7
1. Бабушкины чудеса 7
2. Лэндри вход воспрещен 19
3. Несбыточные мечты 30
4. Прошлое наносит удар 41
5. Девочка на фотографии 53
6. Еще одна тайна 64
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Вирджиния Эндрюс
Руби

V. C. Andrews
RUBY

© Е. В. Большелапова, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
®Издательство АЗБУКА

Пролог

Первые пятнадцать лет жизни обстоятельства моего рождения составляли для меня тайну столь же непостижимую, как количество звезд в небе над заливом. Проникнуть в эту тайну было так же трудно, как узнать, где скрывался серебристый сом в те дни, когда дедушка возвращался с рыбалки с пустыми руками. Мать свою я знала лишь по рассказам Grandmere Кэтрин и Grandpere Джека[1] да по нескольким выцветшим фотографиям в рамках из олова. Сколько себя помню, я всегда ощущала угрызения совести, стоя у ее могилы и читая надпись на скромной плите.

ГАБРИЕЛЛА ЛЭНДРИ

Родилась 1 мая 1927 года

Скончалась 27 октября 1947 года

День моего рождения стал днем ее смерти. Поэтому чувство вины не отпускало меня никогда и усиливалось каждый год по мере приближения роковой даты. Несмотря на все усилия бабушки сделать этот день счастливым, мы обе испытывали боль. Я догадывалась, каких великих усилий стоило ей казаться веселой – не меньших, чем мне.

Но помимо того, что несчастная мать заплатила жизнью за мое появление на свет, это событие порождало множество других вопросов. Впрочем, я никогда не решилась бы их задать, даже если бы сумела выразить словами. Я знала: стоит только заговорить об этом, и лицо бабушки, всегда такое приветливое и добродушное, сделается непроницаемым. Иногда бабушка, сидя в своей качалке, несколько секунд при стально глядела на меня, и эти мгновения казались мне часами. Неведомая правда разбила жизнь дедушки и бабушки, вынудив дедушку Джека оставить дом, удалиться на болота и доживать свои дни в одинокой хижине. Стоило бабушке Кэтрин заговорить о нем, глаза ее вспыхивали гневом.

Тайна окутывала наш дом на берегу залива; тайна насквозь пропитывала блестевшие на паутине брызги влаги, которые в лунные ночи превращали болота в россыпь драгоценных камней; тайна свисала с ветвей кипарисов, подобно клочьям испанского мха. Шепот тайны слышался мне в шорохе летнего ветра и в мерном шуме набегавших на берег волн. Отсвет тайны я видела даже в пронзительном взоре обведенных желтыми кругами глаз болотного ястреба, следивших за каждым моим движением.

Я страстно желала получить ответы на мучившие меня вопросы и в то же время отчаянно боялась этого. При мысли о том, что рано или поздно мне придется узнать причину, разлучившую двух людей, созданных любить и поддерживать друг друга, душа моя сжималась от тоскливого предчувствия.

Теплыми весенними вечерами мне нравилось сидеть у окна, ощущая на лице свежие дуновения ветра с Мексиканского залива, и слушать крики совы.

В беспрестанном ее уханье мне слышался вопрос: «Почему? Почему? Почему?» Меня пробирала дрожь, и, чтобы унять ее, я изо всех сил обхватывала себя руками за плечи.

---

[1] Бабушка… дедушка *(фр.)*. *– Здесь и далее примеч. перев.*

Книга первая

1. Бабушкины чудеса

Отчаянный стук в дверь прозвучал по всему дому и заставил нас с бабушкой бросить работу. В тот вечер мы сидели наверху за ткацким станком. По выходным мы продавали покрывала из желтого хлопка туристам, приезжавшим в бухту. Я затаила дыхание. Стук повторился. На этот раз он был еще более громким и настойчивым.

– Руби, иди посмотри, кто это, – распорядилась бабушка. – Да побыстрее. Если это дедушка Джек, налитый виски по самые брови, захлопни дверь у него перед носом.

Однако тревожный взгляд ее темных глаз говорил, что она ожидает от этого неурочного визита куда более серьезных неприятностей.

Небо Луизианы сплошь затянули свинцовые тучи, скрывая от нас звезды и тонкий серп луны. Дул порывистый ветер. Шел апрель, но в тот год весна более походила на лето. Дни и ночи стояли такие жаркие, что по утрам мои туфли были покрыты каплями росы. В полуденную пору солнечные лучи палили неумолимо, и обезумевшие полчища насекомых носились в поисках прохлады и тени. Ясными вечерами я наблюдала, как болотные пауки плетут гигантские сети, где по ночам запутывалось множество жуков и москитов. Мы завешивали окна плотными шторами, пытаясь защититься от надоедливых насекомых. Лишь когда с залива прилетал прохладный ветер, мы раздергивали шторы и пускали его в дом.

Я поспешно сбежала по лестнице, миновала узкий коридор и распахнула дверь. И раскрыла рот от неожиданности: на пороге стояла Тереза Родригес. Лицо ее было бледным, как водяная лилия, темные волосы в беспорядке падали на плечи, в глазах светился ужас.

– Где бабушка? – выдохнула она.

Позвав бабушку, я продолжала смотреть на Терезу. Это была невысокая пухленькая девушка, года на три старше меня. В их семье было пятеро детей, и восемнадцатилетняя Тереза была старшей. Я знала: в скором времени ее мать собиралась родить еще одного.

– Тереза, что случилось? – Я вышла к ней на галерею. – Что-нибудь с твоей мамой?

Внезапно Тереза разрыдалась. Закрыв лицо руками, она громко всхлипывала, грудь ее ходила ходуном. Тут бабушка Кэтрин наконец спустилась. Взглянув на Терезу, она перекрестилась.

– Говори быстрее, что стряслось, детка, – приказала она, поспешив к дверям.

– Мама… родила мертвого ребенка… – сквозь рыдания пробормотала Тереза.

– Господи боже, – вздохнула бабушка Кэтрин и перекрестилась еще раз. – Я так и знала, – добавила она вполголоса, повернувшись ко мне.

Я вспомнила: нынешним вечером, сидя за ткацким станком, бабушка не раз поднимала глаза и прислушивалась к ночным звукам. Чаще всего до нас долетал крик енота, напоминавший плач ребенка.

– Папа послал меня за вами, – всхлипнула Тереза.

Бабушка Кэтрин кивнула и успокоительно сжала руку девушки:

– Я сейчас приду.

– Спасибо, миссис Лэндри. Спасибо.

Тереза резко повернулась и исчезла в темноте. Я осталась на галерее наедине с испугом и растерянностью: бабушка Кэтрин вернулась в дом и принялась складывать необходимые вещи в корзинку из дубового луба. Я подбежала к ней:

– Бабушка, зачем тебя позвал мистер Родригес? Чем ты им теперь поможешь?

Обычно за бабушкой приходили по ночам, если кто-то заболевал или попадал в беду.

Я места не находила от беспокойства. Казалось, в животе поселилась стая мух, которые беспрестанно жужжат и щекочут мне внутренности своими крылышками.

– Ступай принеси бутановый фонарь, – вместо ответа бросила бабушка.

Я поспешила выполнить ее просьбу. Обезумевшую от горя Терезу Родригес вел в темноте страх. Но нам, чтобы добраться через заболоченную равнину до гравийной дороги, необходим был фонарь. Бабушка всегда считала, что затянутое тучами ночное небо предвещает несчастье. Когда мы спустились с крыльца, она взглянула наверх, покачала головой и пробормотала:

– Дурной знак.

Болото, окружавшее нас со всех сторон, казалось, ожило, когда услышало эти слова. Лягушки заквакали, ночные птицы закричали, аллигаторы забили хвостами в прохладной жиже.

В пятнадцать лет я была на два дюйма выше бабушки Кэтрин: ее рост вместе с мокасинами составлял всего пять футов четыре дюйма. Несмотря на свою миниатюрность, она была самой сильной женщиной, которую мне довелось знать. Помимо мудрости и твердого характера, она была наделена особым даром врачевания. Бабушка бесстрашно вступала в схватку не только с болезнями, но и с любым злом, каким бы могущественным и коварным оно ни казалось.

Бабушка Кэтрин могла поправить любую беду. Порывшись в своей сокровищнице, она всегда находила нужное снадобье и решала, как надо действовать. Она обладала знаниями, которые невозможно почерпнуть из книг. Отчасти эти знания она получила по наследству, отчасти приобрела сама. Бабушка была левшой, а среди нас, каджунов[2], бытует убеждение, что левши обладают особой духовной силой. Я всегда думала, что сила бабушки исходит из глаз цвета темного оникса. Она ничего и никого не боялась. Рассказывали, что как-то ночью на болоте она лицом к лицу встретилась с Черной Жницей; уставившись Смерти в глаза, бабушка смотрела на нее до тех пор, пока та не поняла, что этот колос еще не созрел.

Жители наших краев обращались к ней со всеми своими недугами, от бородавок до ревматизма. У бабушки имелись лекарства от простуды и кашля; более того, она знала средство от старости, но никогда не прибегала к нему, ибо полагала, что нельзя вмешиваться в естественный порядок вещей. Природа была для бабушки Кэтрин священна. Все свои снадобья она составляла из трав, мхов, цветов и листьев, которые собирала на болотах.

– Бабушка, что ты будешь делать у Родригесов? – не унималась я. – Ведь мертвого ребенка не оживишь!

– Посмотрим, чем им можно помочь, – ответила бабушка и принялась тихонько бормотать молитву.

От этой молитвы по спине у меня забегали мурашки, хотя ночь была жаркая и душная. Я изо всех сил старалась не стучать зубами. Уже давно я решила, что стану такой же бесстрашной, как бабушка, но мне не всегда это удавалось.

– Полагаю, ты уже достаточно взрослая, чтобы это знать, – произнесла бабушка так тихо, что я вся превратилась в слух. – Есть некий злой дух, имя ему кушмаль[3]. Он появляется в доме, где умирает некрещеный младенец. Если мы не сумеем изгнать его, он принесет семье, живущей в этом доме, много бед. Они должны были послать за мной сразу, как только у миссис Родригес начались схватки. Особенно в такую ночь, – мрачно добавила она.

---

[2] *Каджуны* – субэтническая группа, проживающая в болотистой местности южной части штата Луизиана, возникшая в результате насильственного переселения туда в 1755 г. франкоговорящих католиков из Канады, которые впоследствии впитали множество других этносов. Несмотря на жесткие попытки властей принудить их говорить по-английски, сохранили особый диалект французского языка и в целом отличаются культурным своеобразием.

[3] Дословно: зло из постели *(фр.)*.

Перед нами, в свете бутанового фонаря, плясали и метались тени. Со всех сторон доносились звуки, сплетаясь в причудливый мотив – дедушка Джек называл его песней болот. Слагалась эта песня из звуков, издаваемых животными, к ним добавлялся тихий свист, испускаемый скрюченными стволами деревьев и клочьями висящего на ветвях мха (который мы, каджуны, называем испанской бородой или испанским мхом), когда их колышет ветер. Я торопливо шагала, стараясь держаться к бабушке поближе. Бабушка была столь поглощена предстоящим делом, что не замечала ничего вокруг и, казалось, могла бы добраться до своей цели даже сквозь кромешную тьму.

В корзинке из дубового луба, которую несла бабушка, лежало несколько маленьких статуэток Девы Марии, бутылка со святой водой и пучки целебных трав. Все необходимые молитвы и заклинания она помнила наизусть.

– Бабушка, – начала я, движимая желанием услышать свой собственный голос, – qu'est-ce…

– По-английски, – перебила бабушка. – Говори только по-английски.

Бабушка всегда настаивала на том, чтобы мы говорили по-английски, особенно за пределами своего дома, хотя родной язык каджунов – французский.

– Когда-нибудь ты оставишь нашу бухту и будешь жить в мире, где на твои каджунские привычки и язык будут смотреть с презрением, – предсказывала она.

– Но зачем мне покидать бухту, бабушка? – недоумевала я. – Зачем жить среди людей, которые будут презирать меня?

– Тем не менее так и будет, – отвечала бабушка в своей обычной загадочной манере. – Непременно.

– Бабушка, – вновь заговорила я, – а почему Родригесов преследует злой дух? Чем они провинились?

– Ничем. Ребенок родился мертвым. Дух находился в его теле. Ребенка не успели окрестить, а у духа теперь нет места. Поэтому он будет преследовать Родригесов и приносить им несчастье.

Я оглянулась. Ночь опустилась у нас за спиной темно-свинцовым занавесом. Оставалось толь ко двигаться вперед. Мы вышли на дорогу, и я с облегчением вздохнула, увидев ярко освещенные окна Батов, наших ближайших соседей. Теперь я могла внушить себе, что ничего страшного не происходит.

– А ты изгоняла подобных духов прежде? – вновь принялась я расспрашивать.

Бабушку часто звали справлять самые разные обряды: от освящения нового дома до привлечения удачи для рыбака или ловца устриц. Матери молодых женщин, неспособных родить дитя, просили для них исцеления от бесплодия. Иногда ее усилия оказывались тщетными, но гораздо чаще приносили желаемый результат. Все это было мне хорошо известно, но до этой ночи я ни разу не слыхала о кушмале.

– К несчастью, мне приходилось делать это много раз, – ответила бабушка. – Так же как и другим целителям, издавна.

– И тебе всегда удавалось прогнать злого духа?

– Всегда, – заверила она так решительно, что тревога моя разом улетучилась.

Мы с бабушкой Кэтрин жили в старом доме с покрытой жестью крышей и шаткой галереей. Дом наш стоял на окраине маленького городка Хоума, штат Луизиана, округ Тербонн. Говорили, что до Нового Орлеана всего два часа езды на автобусе, но проверить это мне пока не удалось – я никогда не бывала в Новом Орлеане. За свою жизнь я ни разу не покидала нашей бухты.

Дом своими руками построил дедушка Джек – более тридцати лет назад, когда они с бабушкой Кэтрин только поженились. Подобно большинству каджунских жилищ, стоял он

на высоких столбах – эта предосторожность защищала от змей и прочих животных, которые могли пробраться внутрь, а также от наводнений и сырости. Стены были из кипарисовых бревен, крыша покрыта гофрированным металлом. Когда шел дождь, капли громко стучали по ней. Редких гостей под нашим кровом этот барабанный грохот раздражал, но мы к нему привыкли, как и к пронзительным крикам луней, круживших над болотами.

– А когда ты изгонишь духа, куда он денется? – полюбопытствовала я.

– Вернется назад, в преддверие ада. Там он уже не сможет причинить добрым богобоязненным людям никакого вреда.

Мы, каджуны, являемся потомками жителей Акадии, прибывших в Америку из Канады в середине восемнадцатого столетия. Что касается нашей веры, она представляет собой смесь католицизма с дохристианским фольклором. Мы ходим в церковь и молимся христианским святым, таким как святой Медард[4], но в то же время крепко держимся и за древние поверья. Для некоторых, как дедушка Джек, именно они важнее всего. Дедушка старался отогнать неудачу всеми возможными способами и собрал целую коллекцию талисманов вроде крокодилова зуба и сушеного оленьего уха, с которыми никогда не расставался. Бабушка часто повторяла: во всей бухте нет человека, который нуждался бы в защите от неудачи больше, чем дедушка.

Мы бодро шагали по покрытой гравием дороге и вскоре увидели дом Родригесов. Его кипарисовые стены были покрыты сероватым налетом. Изнутри доносились рыдания. На галерее мы увидели мистера Родригеса: он сидел в кресле-качалке с четырехлетним сынишкой на руках, вперив взор в темноту, словно уже видел там злого духа. По спине у меня вновь забегали мурашки, однако я, не говоря ни слова, следовала за бабушкой. Стоило мистеру Родригесу увидеть бабушку, как отчаяние на его лице сменилось надеждой. Приятно было видеть, что бабушка Кэтрин пользуется таким уважением и почетом.

– Спасибо, что так быстро пришли, миссис Лэндри, – произнес он, поднимаясь. – Я вам очень признателен. Тереза! – позвал он.

Тереза вышла из дому и забрала ребенка. Мистер Родригес распахнул перед бабушкой дверь. Я погасила фонарь и тоже вошла в дом.

Бабушке Кэтрин не раз доводилось бывать в жилище Родригесов, и потому она прямиком направилась в спальню. Миссис Родригес лежала с закрытыми глазами, лицо ее было мертвенно-бледным, черные волосы рассыпались по подушке. Бабушка взяла ее за руку. Роженица приподняла веки. Бабушка Кэтрин смотрела на нее столь пронзительным взглядом, словно хотела просветить насквозь. Несчастная женщина попыталась приподняться.

– Долорес, не волнуйся, – успокоила ее бабушка. – Я помогу тебе.

– Да, – слабым шепотом откликнулась миссис Родригес и сжала запястье бабушки. – Кэтрин, я все чувствовала. Чувствовала, как его сердечко остановилось. Как кушмаль выскользнул наружу. Но ничего не могла поделать…

– Отдыхай, – сказала бабушка. – Я постараюсь помочь.

Она погладила руку Долорес и повернулась ко мне. Тихонько кивнула и вышла из комнаты. Я следовала за ней. На галерее нас уже ждали Тереза и остальные дети.

Бабушка Кэтрин порылась в своей корзинке и извлекла бутылку со святой водой. Она бережно открыла ее и повернулась ко мне:

– Возьми фонарь. Мы должны обойти вокруг дома. В каждую посудину, где есть хоть сколько-нибудь жидкости, надо капнуть святой воды, Руби. Будь внимательна, ничего не пропусти.

Я кивнула, пытаясь скрыть дрожь, и мы начали обход.

[4] Святитель Медард, епископ Нуайонский, – один из наиболее знаменитых епископов французской церкви VI в.

Шли в темноте, сопровождаемые лишь уханьем совы. Когда мы свернули за угол, что-то прошуршало в траве. Сердце мое заколотилось так бешено, что я едва не уронила фонарь. Неужели то был злой дух, пытавшийся нас остановить? Словно отвечая на мой вопрос, что-то холодное и влажное скользнуло мимо меня в темноте, коснувшись левой щеки. Я судорожно перевела дух. Бабушка Кэтрин повернулась подбодрить меня.

– Не бойся. Дух наверняка прячется в бочке или кастрюле с водой, – пояснила она. – Не может без воды.

Мы остановились около бочки для сбора дождевой воды, стекавшей с крыши дома. Бабушка капнула в бочку святой воды из бутылки и, закрыв глаза, принялась шептать молитву. То же самое мы делали около всех прочих бочек, ведер и баков. Наконец мы обошли дом кругом и вернулись к дверям, где нас с нетерпением ждали мистер Родригес, Тереза и еще два малыша.

– Простите, миссис Лэндри, – произнес хозяин дома. – Тереза сказала, что вчера дети вытащили во двор старый таз. В него наверняка набралось воды, ведь такой ливень был.

– Покажи, где этот таз, – обернулась бабушка к Терезе.

Девушка кивнула. Она так нервничала, что не сразу нашла место, где дети бросили злополучную посудину.

– Мы обязательно должны найти его, – заявила бабушка Кэтрин.

Тереза расплакалась.

– Тереза, не бойся. – Я сжала ее руку. – Мы его найдем.

Она всхлипнула и закусила нижнюю губу. Вскоре ей удалось вспомнить, где она видела таз. Бабушка опустилась перед ним на колени, капнула святой воды и прошептала молитву.

Может, мне показалось, а может, и нет. Так или иначе, я увидела над тазом какое-то сероватое облако, очертаниями отдаленно напоминающее новорожденного младенца. Оно устремилось вверх и быстро исчезло. Не желая еще сильнее напугать Терезу, я сдержалась и не вскрикнула при этом. Бабушка Кэтрин поднялась с колен, и мы вернулись в дом, чтобы еще раз выразить хозяевам соболезнования. Бабушка поставила у входной двери маленькую статуэтку Девы Марии и сказала мистеру Родригесу, что она должна непременно оставаться на этом месте сорок дней и ночей. Вручив ему еще одну статуэтку, она приказала поместить ее в изножье супружеской постели на тот же срок. После этого мы отправились в обратный путь.

– Как думаешь, бабушка, удалось тебе прогнать злого духа? – спросила я, когда мы отошли от дома подальше и можно было не сомневаться, что никто из Родригесов не услышит наш разговор.

– Да, – ответила бабушка. Помолчав, добавила: – Хотела бы я прогнать духа, которым одержим твой дед. Но это не так просто. Я искупала бы его в святой воде, если б верила, что это принесет хоть какую-то пользу. Но надежды на это нет. Впрочем, вымыть его хорошенько не помешало бы в любом случае.

Я улыбнулась, но на глаза мои навернулись слезы. Сколько я себя помнила, дедушка Джек жил отдельно от нас, в охотничьей хижине посреди болот. Бабушка всегда отзывалось о нем весьма неодобрительно, а при встрече демонстративно отворачивалась. Но иногда, когда она говорила о своем непутевом муже, голос ее смягчался, а взгляд теплел. Наверное, в глубине души бабушка верила, что все еще может измениться. Всякий раз, когда я собиралась навестить дедушку, она отговаривала меня, утверждая, что пробираться через болота на лодке-пироге слишком опасно.

– Не дай бог, выпадешь из этого корыта или перевернешь его, – пугала бабушка. – А дед, как назло, окажется напившимся до потери памяти и не услышит криков. К тому же, Руби, болото кишмя кишит змеями и крокодилами. Этот старый хрыч не заслуживает того, чтобы рисковать ради него жизнью.

Однако бабушка ни разу не запретила мне совершить подобное путешествие. Когда я возвращалась, бабушка делала вид, что ее совершенно не интересует, как живет дедушка Джек. Однако я все равно рассказывала ей, потому что знала – она жадно ловит каждое мое слово.

Множество вечеров я провела, сидя у окна и любуясь луной, что проглядывала сквозь тучи. В такие вечера я горячо молилась, чтобы семья наша соединилась вновь. У меня не было ни отца, ни матери, лишь бабушка Кэтрин, заменившая мне мать. Она всегда твердила, что дедушка не в состоянии позаботиться даже о себе самом. Где уж ему заменить мне отца! Однако я мечтала. Если бы они снова были вместе… мы жили бы в нашем доме, как настоящая семья. Может, тогда дедушка Джек перестал бы пить и играть в карты. У всех моих школьных друзей были семьи – отцы, матери, братья и сестры. Было к кому спешить домой, кого любить.

Но мать моя лежала на кладбище в полумиле от нашего дома, а отец… Я не знала даже его имени. Это был чужак, неизвестно каким ветром занесенный в нашу бухту. Он увидел, как мать танцует файсдодо, каджунский танец, и влюбился в нее. В единственную выпавшую им ночь любви оба они, опьяненные страстью, позабыли обо всем на свете, и в результате на свет появилась я. Так, по крайней мере, рассказывала бабушка Кэтрин. Сознание того, что мое рождение стоило матери жизни, неизменно приносило мне жгучую боль. Но не менее мучительной была мысль, что где-то живет человек, который даже не подозревает о том, что я, его дочь, существую на свете. Мы никогда с ним не увидимся, не перекинемся парой слов. Даже тени наши не встретятся в сумраке, как встречаются тени рыбацких лодок, скользящих по воде ночью.

Будучи маленькой, я придумала игру «в папу». Игра заключалась в том, что я долго стояла у зеркала, разглядывая собственное отражение, и представляла, как выглядел бы мужчина, похожий на меня. Потом бежала к столу и с помощью карандаша пыталась запечатлеть этот образ на бумаге. Черты лица у него были мои, а насчет всего остального я безудержно фантазировала. Иногда я делала его высоким, как дедушка Джек, иногда среднего рос та, немного выше, чем я сама. Но на моих рисунках он всегда был безупречно сложен и мускулист. Иначе и быть не могло – только очень красивый мужчина мог так легко покорить сердце моей матери.

Со временем карандаши сменились акварельными красками. Однажды я изобразила отца в танцевальном зале. Он стоит, прислонившись к стене, и на лице его счастливая улыбка – он впервые увидел маму. Выглядит он настоящим обольстителем, сексуальным и неотразимым, – устоять против такого у моей красавицы-матери не было шансов. На другом рисунке отец, уходивший по большой дороге прочь, оборачивался, чтобы в последний раз взглянуть на возлюбленную. Я изо всех сил старалась изобразить в его взгляде обещание. Обещание вернуться.

На других рисунках отец занимался самыми разными делами, например правил рыбачьей лодкой, орудуя шестом, пробирался в пироге по каналу. Бабушка Кэтрин догадывалась, кого я все время рисую. Я видела – это глубоко ее печалит, но отказаться от этого занятия было выше моих сил. Когда я немного подросла, бабушка стала убеждать меня почаще рисовать различных животных.

Как-то в выходные мы выложили мои картины на прилавок вместе с прочими товарами – домотканными одеялами, простынями и полотенцами, корзинами из дубового луба, шляпами из пальмовых листьев. Рядом стояли склянки с травяными настоями от головной боли, бессонницы и кашля. Иногда в банке красовалась заспиртованная змея или огромная лягушка-бык – такие диковины неизменно привлекали внимание туристов и шли нарасхват. Еще бóльшим спросом пользовались приготовленная бабушкой похлебка, которую каджуны называют гумбо, или джамбалайя – блюдо из риса, в который добавляется всякая всячина.

Гумбо бабушка разливала в мисочки, и туристы, сидя за столом напротив нашего дома, с удовольствием поглощали настоящий каджунский обед.

Честно говоря, жизнь моя вовсе не была так уж горька и безотрадна, как случается порой с детьми, лишенными родителей. Жили мы с бабушкой более чем скромно, но у нас был свой домик, где мы чувствовали себя безопасно, а нехитрая наша торговля позволяла сводить концы с концами. Иногда – хотя, надо признать, не слишком часто – дедушка Джек делился с нами доходами от ловли ондатры. Только этот промысел его и кормил.

Бабушка Кэтрин была слишком горда и слишком сердита на дедушку, чтобы принимать эти деньги с благодарностью. Дедушка или отдавал их мне, или просто оставлял на кухонном столе.

– Я не жду от нее никаких благодарностей, – как можно громче говорил дедушка, стоя рядом со мной на галерее. – Но по крайней мере, она могла бы заметить, что я принес ей эти проклятые деньги. Черт побери, они нелегко мне достались.

Бабушка Кэтрин делала вид, что не слышит, и про должала заниматься своими делами, не удостаивая дедушку даже взглядом.

– Спасибо, дедушка, – пыталась я исправить положение.

– Не твоей благодарности я жду, Руби. И вообще, я приношу вам эти деньги не ради благодарности. Я просто хочу, чтобы кое-кто знал: я жив, не потонул в болоте и не пошел на корм аллигаторам. Но кое-кто считает ниже своего достоинства даже взглянуть на меня. Не понимает, что это просто неприлично.

При этих словах дедушка повышал голос, так что не услышать его бабушка никак не смогла бы.

Иногда она появлялась в дверях, точно слова деда задели ее за живое.

– С каких это пор Джек Лэндри стал разбираться в приличиях? – роняла она, по-прежнему не глядя на дедушку.

– А…

Безнадежно махнув длинной рукой, дедушка разворачивался и уходил по направлению к болотам.

– Дедушка, подожди! – умоляла я, устремляясь за ним.

– Подождать? Чего мне ждать? Тот, кто не имел дела с каджунской женщиной, не знает, что такое упрямство. Если каджунка вобьет себе что-нибудь в голову, она становится настоящим чертом. Нет, здесь мне ждать нечего, – заявлял дедушка и ускорял шаг, громко хлюпая ботинками по влажной траве.

Зимой и летом дедушка носил красную куртку – нечто среднее между рыбацким плащом и стеганой фуфайкой. Куртку эту сплошь покрывали огромные карманы – крысиные, так их называют, куда он складывал убитых ондатр.

Когда дедушка сердился, его длинные седые волосы развевались языками белого пламени. Смуглая его кожа напоминала, что в жилах представителей семейства Лэндри течет немало индейской крови. Когда он был трезв и пребывал в хорошем настроении, в его изумрудно-зеленых глазах посверкивали веселые искорки. Высокий и тощий, он тем не менее был так силен, что мог справиться с аллигатором. В наших краях о дедушке Джеке ходили легенды. Не многие, подобно ему, отваживались на одинокую жизнь на болотах. Но бабушка Кэтрин относилась к семейству Лэндри презрительно и часто доводила меня до слез, проклиная тот день, когда вышла замуж за дедушку.

– Пусть это станет для тебя хорошим уроком, Руби, – говорила она. – Запомни: сердце способно обмануть разум и оставить его в дураках. Сердцу, как говорится, не прикажешь. Но прежде чем ты свяжешь свою жизнь с мужчиной, попытайся понять, куда он тебя поведет. Иногда лучший способ увидеть будущее – оглянуться в прошлое, – наставляла бабушка. – Жаль, что я была так глупа и не желала слышать, что говорили люди о Лэндри. О том, что у

них дурная кровь… Это стало ясно уже тогда, когда они только здесь появились. Представь, были времена, когда повсюду висели таблички: «Лэндри вход воспрещен». Но мне было наплевать на любые предостережения, и это не довело меня до добра. Теперь-то я знаю: слушаться надо не собственного глупого сердца, а древней мудрости.

– Но ты же любила дедушку, правда? – настаивала я. – Наверняка видела в нем что-то хорошее.

– Я видела только то, что хотела видеть.

Я никак не могла понять, по какой причине бабушка говорит о своем муже с таким упорным пренебрежением и почему столь непреклонна в своим отношении к нему. Как-то раз, набравшись смелости, я попыталась приподнять завесу над прошлым.

– Бабушка, почему дедушка живет не с нами? Неужели только из-за пьянства? Мне кажется, живи мы все вместе, он бросил бы пить.

Во взгляде бабушки мелькнула жалость.

– Нет, дело не в том, что он пьет, – произнесла она. Помолчала и добавила: – Есть другая причина, поважнее.

– Он проигрывает деньги в карты, да?

– Беда не только в этом, – проронила бабушка, всем своим видом показывая, что не желает обсуждать эту тему.

Но я не унималась:

– Тогда в чем дело, бабушка? Что такого ужасного дедушка натворил?

Лицо ее стало непроницаемым, но скоро смягчилось.

– Это касается только нас двоих, – изрекла она. – Тебе знать ни к чему. К тому же ты еще слишком мала, чтобы во всем разобраться. Дедушке нельзя жить с нами… Живи он здесь, все было бы иначе.

С этими словами она повернулась и ушла, оставив меня озадаченной и разочарованной, как всегда.

Бабушка Кэтрин обладала мудростью и силой, в этом я не сомневалась. Почему же она не сделает так, чтобы семья наша вновь соединилась? Почему не может простить дедушку Джека? И разве не в ее власти изменить собственного мужа, сделать его таким, чтобы он смог жить с нами? Почему у нас все не так, как у людей?

Дедушка Джек мог говорить все, что угодно, мог клятвенно заверять, будто вполне доволен своей участью. Но я знала: на болоте ему одиноко и тоскливо. Гости редко забредали в его хижину, стоявшую на столбах-подпорках в шесть футов высотой. Освещали хижину бутановые фонари, пить дедушке приходилось дождевую воду, которую он собирал в бочку. Печку он топил плáвником и прочим хламом. По вечерам дед сидел на галерее и наигрывал на аккордеоне печальные мелодии, то и дело прикладываясь к бутылке с дешевым забористым виски.

Он был несчастен, да и бабушка Кэтрин тоже. Она изгоняла злых духов, проникших в дома других людей, но против духа, устроившегося в ее собственном доме, была бессильна. В точности по поговорке «сапожник без сапог». Почему ей, помогавшей всем вокруг, не удается помочь самой себе? Об этом я не раз с горечью размышляла.

Неужели на подобную участь обречены все целители? Неужели это цена, которую они платят за свое могущество и тайные знания?

А что, если мне предстоит столь же печальная судьба и я тоже буду помогать другим, а себе помочь не смогу?

Наша бухта являлась особым миром, полным загадок. Каждый раз, отправляясь на болота, я встречала какую-нибудь диковину. Делала новое открытие. Но тайны и загадки, таившиеся в людских сердцах, по-прежнему оставались для меня непостижимыми.

В тот вечер, когда мы возвращались от Родригесов, бабушка сказала:

– Кто-то сидит на галерее. Наверняка это мальчишка Тейтов, – добавила она с явным неодобрением.

Подойдя к дому, мы действительно увидели Пола Тейта: он сидел на ступеньках, играя на губной гармонике. Мопед его стоял у ближайшего дерева. Едва увидев нас, он бросил свою гармонику и вскочил.

Семнадцатилетней Пол был сыном Октавиуса Тейта, местного богача. Тейты владели консервным заводом, жили в огромном доме, имели шикарные автомобили и яхту. Помимо Пола, в семье было две дочери – Джин, ходившая со мной в один класс, и Тоби, на два года моложе. Мы с Полом были знакомы всю жизнь, но лишь недавно полюбили проводить время вместе. Я знала, что его родителям наша дружба не по душе. Между дедушкой Джеком и отцом Пола не раз выходили стычки, так что последний имел основания недолюбливать членов семейства Лэндри.

– Руби, как жизнь? – спросил Пол, сбегая вниз. – Где это вы пропадали так поздно?

На нем была голубая спортивная рубашка, брюки цвета хаки и высокие шнурованные ботинки. Он показался мне более рослым и широкоплечим, чем обычно.

– Мы с бабушкой ходили к Родригесам. Миссис Родригес родила мертвого ребенка.

– Ужас, – вздохнул Пол.

Из всех знакомых мальчишек Пол был самым искренним, застенчивым, и в то же время самым взрослым. И уж конечно, самым красивым. Глаза у не го были поразительного небесно-голубого цвета. Людей с таким цветом волос, как у него, каджуны называют помесью блондина и брюнета; иными словами, он был шатен.

– Добрый вечер, миссис Лэндри, – приветствовал Пол бабушку Кэтрин.

Она бросила на него весьма подозрительный взгляд. С тех пор как Пол впервые проводил меня домой из школы, бабушка всегда поглядывала на него именно так. Чем чаще он бывал у нас, тем откровеннее становилось ее недоверие. Меня это очень смущало, а Пола, похоже, забавляло, хотя бабушки он явно побаивался. Как и все здешние жители, он верил, что она обладает даром предвидения и прочими магическими способностями.

– Добрый вечер, – кивнула она. – Скоро наверняка разразится ливень. Уж не знаю, как ты доберешься до дому на этой дурацкой штуковине.

– Как-нибудь доберусь, мэм, – пожал плечами Пол.

Бабушка Кэтрин повернулась ко мне.

– Мы должны доделать начатое одеяло, – напомнила она.

– Да, бабушка. Я сейчас приду.

Бабушка вновь смерила Пола недоверчивым взглядом и скрылась в доме.

– Твоя бабушка так расстроилась из-за смерти младенца Родригесов? – спросил Пол.

– Зря они не позвали ее, чтобы помочь в родах.

Я рассказала ему о событиях нынешнего вечера.

Он выслушал меня с интересом, но, когда я смолкла, покачал головой.

– Мой отец не верит в злых и добрых духов. Он говорит, все эти выдумки и суеверия приносят каджунам много вреда. Из-за них нас считают темными и дикими. Но я с ним не согласен, – поспешно добавил Пол.

– Бабушка Кэтрин не темная и не дикая! – возмутилась я. – А тот, кто не пытается защитить себя от злых духов и сглаза, действительно дикарь!

Пол согласно кивнул.

– А ты… видела что-нибудь?

– Да… Почувствовала, как он пролетел около моего лица. – Я коснулась щеки. – Он даже меня слегка задел. А потом я видела, как он скрылся. По крайней мере, мне так показалось…

– И ты не испугалась? – Пол удивленно присвистнул. – Ну ты даешь!

– Я же была с бабушкой Кэтрин.

– Жаль, сегодня я не приехал пораньше и не пошел с вами… чтобы защитить тебя в случае чего, – заявил Пол.

Слышать это было так приятно, что я покраснела.

– Защита мне не требовалась. Но я рада, что все кончилось и мы уже вернулись, – призналась я.

Пол рассмеялся.

В тусклом свете из окон дома выражение его лица казалось нежным, а глаза лучились теплом. До сих пор мы позволяли себе лишь держаться за руки да обменялись несколькими робкими поцелуями. Всего два раза мы целовались по-настоящему, в губы, и теперь, когда он стоял так близко, сердце мое трепыхалось как бабочка. Ветер играл его шелковистыми волосами, падающими на лоб. Тишину нарушали только шелест волн да хлопанье крыльев невидимой в ночном небе птицы.

– Я так расстроился, когда увидел, что тебя нет дома, – сказал Пол. – Уже собирался уезжать и тут вдруг заметил свет вашего фонаря.

– Хорошо, что дождался. – (Пол расплылся в до вольной улыбке.) – Но пригласить тебя в дом не могу. Ты сам слышал, бабушка хочет, чтобы мы закончили одеяло. Завтра суббота, приедут туристы. Бабушка говорит, в эти выходные торговля пойдет хорошо, а она никогда не ошибается. В прошлом году в это время мы продали кучу одеял. Память у нее на такие вещи отличная, – добавила я.

– Завтра я буду на отцовском заводе, – сообщил Пол. – Но может, вечером заскочу за тобой? Смотаемся в город, посидим где-нибудь, выпьем чего-нибудь прохладительного.

– Было бы неплохо, – кивнула я.

Пол приблизился вплотную, нежно глядя мне в лицо. Несколько мгновений мы буквально пожирали друг друга глазами. Наконец он набрался смелости и сказал то, ради чего пришел.

– Здорово было бы нам в следующую субботу потанцевать файс-додо! – выпалил он.

Это было приглашение на свидание – первое в моей жизни. От радости я едва не запрыгала на месте. Девочки моего возраста обычно ходили в танцевальный зал с родителями и танцевали с теми молодыми людьми, которые их приглашали… И совсем другое дело отправиться туда с Полом и весь вечер танцевать только с ним… При мысли об этом у меня голова пошла кругом.

– Хорошо, – торопливо кивнула я. – Но надо спросить разрешения у бабушки Кэтрин.

– Конечно. – Потом Пол махнул рукой в сторону своего мопеда. – Наверное, мне пора. Надо добраться домой, пока ливень не начался.

Не сводя с меня глаз, он попятился, споткнулся о корень и упал.

– Ушибся? – воскликнула я, подбегая к нему.

Он смущенно рассмеялся:

– Все в порядке, только брюки промокли.

Я протянула руку, чтобы помочь ему подняться, он взялся за нее и вскочил на ноги. Теперь мы почти касались друг друга. Медленно, миллиметр за миллиметром, губы наши начали сближаться и наконец встретились. Поцелуй длился недолго, но он был более смелым и уверенным, чем прежние. Я приподнялась на цыпочки, и грудь моя коснулась его груди. Это неожиданное прикосновение, совместно с электрическим разрядом поцелуя, породило теплую волну, накрывшую меня с головой.

– Руби, – прошептал Пол дрожащим от возбуждения голосом, – ты самая красивая девчонка в бухте.

– Нет, Пол. Сам знаешь, это не так. Есть много девочек гораздо красивее меня. Они лучше одеты, у них есть украшения и…

– Да пусть хоть с головы до ног обвесятся бриллиантами и выпишут платья из Парижа! Все равно никто в подметки тебе не годится!

Я знала, на подобные признания Пол отважился лишь благодаря сумраку, мешающему мне разглядеть его лицо. В том, что щеки у него пламенеют, я не сомневалась.

– Руби! – донесся из окна голос бабушки. – Долго еще тебя ждать? Или я должна всю ночь не спать, чтобы закончить работу?

– Иду, бабушка! Пока, Пол, – выпалила я, слегка коснулась губами его губ и убежала, оставив его в темноте.

Провожаемая ревом мопеда, я поднялась наверх, к бабушке Кэтрин.

Она, казалось, даже не заметила моего появления и продолжала работать, не отрывая взгляда от ткацкого станка. Наконец бабушка повернулась ко мне и поджала губы, как делала всегда, когда бывала мною недовольна.

– Что-то в последнее время мальчишка Тейтов сюда зачастил, – произнесла она.

– Да, бабушка.

– А что думают об этом его родители? – спросила она, как всегда, без обиняков.

– Не знаю, бабушка, – потупившись, пробормотала я.

– Полагаю, Руби, ты прекрасно это знаешь.

– Мне нравится Пол, и я нравлюсь ему, – заявила я. – А что там думают его родители, меня не волнует.

– За этот год он сильно вырос и стал настоящим мужчиной, – заметила бабушка. – Да и ты уже не маленькая. Я видела, как вы друг на друга пялитесь. И знаю, к чему это может привести.

– Ни к чему плохому это не приведет, – возразила я. – Пол – самый лучший парень в нашей школе.

Бабушка кивнула, по-прежнему буравя меня пронзительным взором.

– Не знаю, чем я провинилась, бабушка, – пробормотала я. – Ничего плохого я не сделала. Ни чем тебя не опозорила.

– Пока не сделала, – проронила бабушка. – Но в твоих жилах течет кровь Лэндри, а это дурная кровь. С твоей матерью дурная кровь сыграла злую шутку. Не хочу, чтобы ты пошла по ее стопам.

У меня задрожал подбородок.

– Я не хочу тебя обидеть, девочка моя, – вздохнула бабушка и накрыла мою руку своей. – Единственное мое желание – оградить тебя от бед и разочарований.

– Так что, по-твоему, я не могу любить, быть счастливой? – всхлипнула я. – Надо мной что, проклятие? Только потому, что в моих жилах кровь дедушки Джека? А твоя кровь что, не в счет? Разве от тебя я не унаследовала мудрость, которая убережет меня от бед?

Бабушка покачала головой и печально улыбнулась:

– Боюсь, мне самой моя хваленая мудрость не слишком помогла. По крайней мере, не уберегла от брака с твоим дедушкой. – Бабушка помолчала и добавила со вздохом: – Но может, ты и права. Надеюсь, ты окажешься умнее и осмотрительнее меня. И уж конечно, ты куда способнее и смышленее, чем я в твои годы. Взять хотя бы твои рисунки, картины…

– О нет, бабушка, куда мне до тебя…

– Не спорь, Руби. Ты способная девочка, это видно всякому. Придет день, и твой талант оценят по достоинству. Он еще принесет тебе кучу денег. И я не хочу, чтобы ты лишила себя возможности выбраться отсюда и до конца дней кисла в этих чертовых болотах.

– Разве здесь так уж плохо, бабушка?

– Тебе здесь оставаться не стоит, детка.

– Но почему?

– Потому, – отрезала она и вновь принялась ткать, предоставив мне барахтаться в море неразрешенных загадок.

– Бабушка, в следующую субботу Пол пригласил меня потанцевать файс-додо. Мне бы очень хотелось пойти.

– А родители ему разрешили?

– Не знаю. Разрешили, наверное. Бабушка, может, в воскресенье пригласим его к нам пообедать? Пожалуйста!

– Я готова накормить обедом любого. А что касается похода на танцы, то мне эта идея не по душе. Я хорошо знаю семейство Тейт и не хочу, чтобы тебе причинили боль.

– Никто не собирается причинять мне боль, бабушка! – воскликнула я, ерзая на стуле. – Так Полу можно прийти к нам?

– Я же сказала, что не собираюсь выгонять его.

– Спасибо, бабушка! – Я бросилась ей на шею. – Я так рада!

– Если мы будем работать только языками, то просидим над этим одеялом всю ночь, – проворчала она, но поцеловала меня в щеку. – Ох, милая ты моя девочка, скоро ты станешь совсем взрослой. Я и глазом моргнуть не успею.

Мы еще раз обнялись и принялись за работу. Несмотря на зловещие предостережения бабушки, сердце мое переполняла радость, а оттого и руки двигались проворнее.

2. Лэндри вход воспрещен

Соблазнительные запахи из кухни проникли в мою комнату и заставили открыть глаза. У меня едва не потекли слюнки, когда я представила себе густой и крепкий каджунский кофе и похлебку из бамии, устриц и цыплят, которая сейчас кипела у бабушки на плите в закопченной железной кастрюле. Сегодня, в выходной, нам предстояло продавать гумбо туристам, стоя за прилавком у дома. Я села на кровати и глубоко вдохнула аппетитные ароматы.

Солнечные лучи, проникая сквозь ветви кипарисов и платанов вокруг дома, золотили шторы на окнах и наполняли комнату теплом и светом. В этой комнатушке едва хватало места для моей кровати, покрашенной белой краской, ночного столика, на котором стояла лампа, и шкафа с одеждой. За окном рисовые птички уже начали свой утренний концерт. Они щебетали и чирикали так звонко и настойчиво, словно хотели напомнить мне: пора вставать, умываться, одеваться и вместе с ними приветствовать новый день.

Как я ни старалась, у меня никогда не получалось встать раньше бабушки Кэтрин и опередить ее на кухне. Возможность приготовить для бабушки завтрак и порадовать ее свежим кофе, горячими лепешками и яичницей выпадала мне крайне редко. Обычно бабушка пробуждалась с первыми лучами солнца, а то и до рассвета. Двигалась она так тихо и осторожно, что никогда меня не будила. Я всегда поражалась, как ей удается бесшумно спускаться и подниматься по лестнице, ступеньки которой под моими ногами отчаянно скрипели. По выходным бабушка вставала особенно рано, чтобы успеть приготовить все необходимое для уличной торговли.

Я поспешила вниз.

– Почему ты меня не разбудила? – спросила я, вбегая в кухню.

– Разбудила бы, если б мне понадобилась твоя помощь, – как обычно, ответила бабушка.

Но я знала, она предпочтет выполнить всю работу в одиночку, лишь бы не вырывать меня из теплых объятий сна.

– Пойду разложу новые одеяла, – сказала я.

– Для начала позавтракай. Времени предостаточно. Знаешь сама, туристы еще не скоро появятся. В такую рань поднимаются только рыбаки, а им наш товар ни к чему. Так что ешь спокойно, – распорядилась бабушка.

В кухне у нас стоял простой стол из того же белого кипариса, что и весь дом. Стулья тоже были кипарисовые. Предметом особой бабушкиной гордости служил дубовый сундук, сделанный еще ее отцом. Вся прочая мебель, скромная и немудрящая, была в точности такой, как в любом каджунском доме.

– Мистер Родригес принес нам сегодня свежих яиц. – Бабушка кивнула в сторону корзины на подоконнике. – Очень мило, что он вспомнил о нас, несмотря на свое горе.

За все свои чудеса бабушка никогда не ждала ни чего, кроме благодарности. Она считала, что ее таинственные способности принадлежат не ей единолично, но всему народу каджунов. Считала, что послана на землю с одной-единственной целью – помогать тем, кому требуется помощь. Сознание того, что она выручает людей из беды, было для нее самой дорогой наградой.

Я налегла на оладьи, а бабушка принялась жарить мне яичницу.

– Не забудь выложить на прилавок свои последние картины, – напомнила она. – Особенно мне нравится та, где цапля летит над водой.

– Если так, бабушка, давай не будем ее продавать. Лучше я подарю ее тебе.

– Глупости, детка. Я хочу, чтобы твои рисунки увидели все. Особенно люди в Новом Орлеане.

Она часто повторяла это, и всегда совершенно непререкаемым тоном.

– Почему? Разве в Новом Орлеане живут какие-то особенные люди?

– Люди везде одинаковы. Но там много художников и галерей, где продаются картины. Когда твои работы в них появятся, о тебе заговорит весь город и все богатые креолы захотят украсить твоими картинами свои дома, – улыбнулась бабушка.

Это было так не похоже на нее – желать, чтобы слава, известность пришли в наш простой домик в бухте. Мы продавали то, что изготавливали, так как нуждались в деньгах. Но я видела, бабушке вовсе не по душе, что вокруг нашего дома толпятся чужие люди, хотя почти все они восхищались ее стряпней и осыпали ее комплиментами. Выставлять на продажу картины бабушка заставляла меня по какой-то другой, тайной причине.

Картина с цаплей нравилась и мне самой. Как-то вечером, в сумерках, я стояла на берегу пруда за нашим домом. Внезапно над водой поднялась цапля. Это произошло так неожиданно и стремительно, что птица показалась мне духом, родившимся из воды. Расправив свои мощные темно-лиловые крылья, цап ля парила над верхушками кипарисов. Полет ее был так прекрасен, так поэтичен, что мне захотелось немедленно запечатлеть его на бумаге. Когда картина была закончена, я показала ее бабушке. Несколько секунд она смотрела, не произнося ни слова, и на глазах у нее блестели слезы. Потом она призналась, что моя мать всегда любила голубых цапель и говорила, что в наших краях птиц красивее нет.

– Значит, мы должны оставить картину у себя, – сказала я.

– Нет, мы должны ее продать, – настаивала бабушка. – Пусть едет в Новый Орлеан.

Можно было подумать, что вместе с моей картиной она намеревалась отправить жителям Нового Орлеана некое таинственное послание.

Покончив с завтраком, я принялась раскладывать на прилавке одеяла и другие поделки на продажу. Бабушка меж тем заканчивала готовить ру – фактически это просто мука, обжаренная в масле, растительном или животном. Это первое, чему учится всякая каджунская девочка. Очень важно, чтобы смесь получилась золотистого цвета, не была пережаренной. В похлебку гумбо идет все, что угодно, – устрицы и морепродукты, мясо курицы, утки, цесарки или же диких птиц. А для густоты в нее добавляется ру. Во время Великого поста бабушка обходилась без мяса и готовила гумбо из овощей.

Предчувствия бабушки, как всегда, оправдались. В то утро первые посетители появились у нас намного раньше обычного. Помимо туристов, к нам заглянуло немало местных жителей – прослышав про изгнание кушмаля, они хотели узнать о нем побольше. Несколько старых бабушкиных подруг, сидя у стола, делились удивительными историями, которые слышали от собственных бабушек и прабабушек.

Где-то около полудня к дому подкатил шикарный лимузин – серебристо-серый, длинный, изящный. Все мы рты открыли от удивления, когда он остановился в точности напротив нашего прилавка. Задняя дверь машины распахнулась, и перед нами предстал долговязый мужчина с оливково-смуглым лицом и седеющими каштановыми волосами. Из автомобиля доносился женский смех.

– Тише! – бросил мужчина и с улыбкой посмотрел на меня.

Из открытой двери высунулась голова красавицы-блондинки с подведенными глазами, нарумяненными щеками и накрашенными губами. На ней была ярко-розовая шелковая блузка, на шее болталось длинное жемчужное ожерелье. Я невольно заметила, что несколько верхних пуговиц расстегнуты и грудь выставлена на всеобщее обозрение.

– Доминик, не задерживайся, – капризно протянула она. – Я хочу сегодня ужинать у Арнода.

– Не волнуйся. Времени у нас предостаточно, – бросил мужчина, даже не удостоив ее взглядом.

Его внимание было поглощено моими картинками.

– Кто это рисовал?

– Я, сэр.

Украдкой я разглядывала его невероятно дорогую белоснежную рубашку и прекрасно сшитый темно-серый костюм.

– Правда?

Я молча кивнула.

Он подошел к прилавку поближе и взял картину с цаплей. Держа лист на расстоянии вытянутой руки, он несколько мгновений пристально разглядывал его.

– У вас есть художественное чутье, – заявил он. – Довольно примитивно и в то же время выразительно. Вы учились рисованию?

– Да, в школе, правда совсем немного. Вообще-то, я училась, рассматривая старые журналы по живописи.

– Замечательно.

– Доминик! – донеслось из лимузина.

– Погоди! – отрезал он и улыбнулся, словно говоря: «Не обращай на нее внимания».

Положив картину с цаплей на прилавок, он принялся рассматривать другие. В тот день их было пять.

– Сколько вы хотите за все?

Я бросила взгляд на бабушку Кэтрин, которая стояла с миссис Тибодо чуть поодаль. При появлении лимузина они прервали свой оживленный разговор. Выражение лица бабушки Кэтрин показалось мне каким-то странным. Она так настойчиво буравила покупателя глазами, будто хотела увидеть потаенную суть, которая скрывалась за обличьем богатого туриста, скупающего местные сувениры.

– Пять долларов за штуку, – пробормотала я.

– Пять долларов! – засмеялся он и добавил наставительным тоном: – Прежде всего не следует назначать за все картины одинаковую цену. Над этой, с цаплей, вы явно работали больше, чем над прочими. Значит, она стоит раз в пять дороже, чем остальные! – уверенно заявил он, обращаясь к бабушке Кэтрин и миссис Тибодо, которые слушали его так внимательно, словно он был профессором, а они – начинающими студентами. – Тут удивительно тонко проработаны все детали, – опять повернулся он ко мне. – Ощущаешь движение крыльев птицы, рябь, идущую по воде.

Прищурив глаза и поджав губы, он вновь уставился на картину.

– За все работы я дам вам пятьдесят долларов в качестве предварительной оплаты, – объявил он.

– Пятьдесят долларов! Но…

– Что значит «в качестве предварительной оплаты»? – вступила в разговор бабушка Кэтрин, подойдя к нам.

– О, простите, я должен был представиться! – воскликнул джентльмен из лимузина. – Меня зовут Доминик Легран. Я владелец художественной галереи во Французском квартале, которую так и называют – Галерея Доминика. Вот моя визитка.

С этими словами он извлек из кармана пиджака визитную карточку и протянул ее бабушке. Та благоговейно взяла ее и принялась рассматривать.

– Да… а предварительная оплата? – напомнила она.

– Думаю, я смогу выручить за эти картины более значительную сумму, чем пятьдесят долларов. Как правило, я выставляю работы художников в своей галерее без всякой предварительной оплаты, но рисунки этой юной особы мне очень понравились, и я решил изменить своему обычаю. Насколько я понимаю, вы ее бабушка?

– Да, – кивнула бабушка Кэтрин. – Мою внучку зовут Руби Лэндри. Скажите, когда вы выставите картины на продажу, на них будет указано ее имя? – к моему великому удивлению, спросила она.

– Разумеется, – с улыбкой заверил Доминик Легран. – Кстати, я вижу, в уголке каждого листа указаны ваши инициалы, – заметил он, повернувшись ко мне. – Впредь ставьте полное имя. Я не сомневаюсь, мадемуазель Руби Лэндри, – у вас большое будущее.

Он извлек из кармана бумажник и протянул мне пятьдесят долларов. Это было куда больше, чем я заработала на всех своих прежних картинах, вместе взятых. Я вопросительно взглянула на бабушку Кэтрин; она кивнула в знак согласия, и я взяла деньги.

– Доминик! – вновь подала голос блондинка в лимузине.

– Филипп, поди сюда! – позвал он шофера, не обращая на женщину внимания.

Шофер собрал мои картины и отнес в багажник.

– Осторожнее, – предупредил его Доминик.

Потом он спросил наш адрес и записал его в книжку в кожаном переплете.

– Скоро я дам о себе знать, – пообещал он, прежде чем сесть в машину.

Не двигаясь с места, мы с бабушкой Кэтрин, проводили глазами лимузин. Он уже скрылся из виду, а мы еще долго молчали.

– Пятьдесят долларов, бабушка! – наконец очнулась я. – Здорово, правда?

Миссис Тибодо явно была потрясена моей удачей. Что касается бабушки, она выглядела скорее задумчивой, чем обрадованной. Пожалуй, в ее темных глазах светилась даже печаль.

– Началось, – едва слышно произнесла она, по-прежнему глядя туда, где скрылся лимузин.

– Что началось, бабушка?

– Будущее, Руби. Твое будущее. Пятьдесят долларов – это только начало. Смотри, ни слова не говори об этом дедушке Джеку, если он вздумает показаться здесь.

Бабушка вновь повернулась к миссис Тибодо и продолжила разговор о кушмале и прочих злых духах, досаждающих роду человеческому.

Весь день я буквально не находила себе места, ожидая прихода Пола. Мне не терпелось рассказать ему о случившемся, и я заранее предвкушала, как он удивится, когда в кафе смогу угостить его ледяной крошкой. Правда, он никогда не согласится, чтобы я за него платила. Он слишком гордый.

Я наверняка взорвалась бы от возбуждения, если б не торговля, которая шла в тот день на редкость успешно. Мы распродали все домотканые одеяла, простыни, полотенца и к тому же еще с полдюжины банок с бабушкиными снадобьями. Покупатель нашелся даже на заспиртованную жабу. Все бабушкины яства были съедены до последней капли и крошки. Даже нам на обед ничего не осталось, так что бабушке срочно пришлось сварить еще немного гумбо. Наконец солнце коснулось верхушек деревьев, и бабушка объявила наш базарный день завершенным. Она была очень довольна и, хлопоча на кухне, напевала себе под нос.

– Бабушка, возьми у меня деньги, – предложила я.

– Сегодня мы и так достаточно выручили. Твои деньги пригодятся тебе самой, – сказала бабушка и добавила, прищурив глаза: – Но все равно отдай их мне. Ты того гляди подаришь их этому болотному упырю, чтобы он их пропил. Я-то ведь знаю, ты вечно его жалеешь. У меня в сундуке они будут сохраннее. Туда он не посмеет сунуть нос.

Бабушкин сундук считался у нас дома чуть ли не святыней. Не было никакой необходимости держать его на замке. Дедушка Джек, как бы сильно он ни был пьян, не смел даже прикоснуться к сундуку. Ни разу в жизни он не поднял крышку, не заглянул внутрь. Здесь

хранились бабушкины сокровища и вещи, особенно дорогие ее сердцу, включая детские платьица моей матери. Бабушка часто повторяла: настанет день, когда все это перейдет ко мне.

После того как мы пообедали и вымыли посуду, бабушка уселась в кресло-качалку на галерее, а я устроилась рядом, на ступеньках. Благодаря свежему ветерку вечер был не слишком душный. По небу пробегали легкие облака, вся бухта была залита серебристым лунным светом. В таком освещении вода сверкала, как стекло, а стволы деревьев казались белыми, словно кости. В такие вечера звуки разносились в воздухе особенно быстро и отчетливо. До нас долетал веселый мотив, который наигрывал на аккордеоне мистер Бат, смех его жены и детей, сидевших на галерее.

Издалека, с той стороны, где раскинулся город, доносился рев автомобильных гудков, со стороны болот – кваканье лягушек. Я ни словом не обмолвилась о том, что жду Пола, но бабушка догадалась.

– Руби, ты сидишь как на иголках. Кого-то ждешь?

Я не успела ответить, как до нас долетел треск мопеда. В темноте вспыхнул свет фары, и Пол въехал во двор.

– Добрый вечер, миссис Лэндри! – крикнул он, соскочив с мопеда и направляясь к нам. – Привет, Руби!

– Добрый вечер, – откликнулась бабушка Кэтрин, настороженно поглядывая на него.

– Отличная погода сегодня. Можно немножко отдохнуть от жары и духоты.

Бабушка молча кивнула.

– Как прошел день? – обратился Пол ко мне.

– Замечательно! Я продала свои картины. Все пять.

– Все пять? Здо́рово! Это надо отметить. Думаю, вместо ледяной крошки нам нужно съесть мороженого и выпить лимонада. Если вы не возражаете, миссис Лэндри, – повернулся он к бабушке, – мы с Руби смотаемся в город.

Я видела, что подобный поворот событий не слишком радует бабушку. Откинувшись в кресле-качалке, она недовольно сдвинула брови.

– Мы скоро вернемся, – заметив это, поспешно добавил Пол.

– Мне не нравится, что ты повезешь ее на своей тарахтелке. – Бабушка пренебрежительно махнула рукой в сторону мопеда.

– Мы можем пойти пешком, – рассмеялся он. – Руби, ты не прочь прогуляться?

– Конечно нет. Можно, бабушка?

– Идите. Только не задерживайтесь допоздна, – напутствовала бабушка Кэтрин. – И не разговаривайте с незнакомцами.

– Не волнуйтесь, миссис Лэндри, – заявил Пол. – Я не дам ее в обиду.

Однако бабушку его заверения, похоже, не особенно успокоили. Мы двинулись в город, сопровождаемые ее тревожным взглядом. Пока бабушка могла нас видеть, Пол не решился даже взять меня за руку.

– Бабушка очень за тебя волнуется, – заметил Пол.

– Это потому, что у нее в жизни было много горя. Но сегодня хороший день. Мы продали кучу всякой всячины.

– И к тому же все твои картины! И правда, удачный день.

– Представь, мои работы будут выставлены в галерее в Новом Орлеане, – похвасталась я и рассказала о знакомстве с Домиником Леграном.

Пол слушал меня молча. Закончив рассказ, я с удивлением заметила, что он смотрит на меня с грустью.

– Придет время, ты станешь знаменитой художницей и уедешь отсюда, – вздохнул он. – Будешь жить в Новом Орлеане, в большом доме, и забудешь наше болото и всех каджунов.

– Ох, Пол, что за глупости! Конечно, мне очень хочется стать художницей. Но я никогда не забуду родные края и… Я никогда не забуду тебя. Ни за что!

– Правда, Руби?

– Клянусь святым Медардом! – произнесла я, зажмурив глаза и прижав руку к сердцу. – Кстати, думаю, ты покинешь наши болота куда раньше меня, – продолжала я уже с открытыми глазами. – Поступишь в какой-нибудь престижный колледж, будешь учиться среди богатых девушек.

– Плевать я хотел на богатых девушек! Ты – единственная, которая мне нужна.

– Это сейчас ты так говоришь, Пол Маркус Тейт. Пройдет время, и все изменится. Посмотри на моих бабушку и дедушку. Когда-то у них была любовь, а теперь они видеть друг друга не могут.

– Это совсем другое дело. Мой отец говорит, с твоим дедушкой никто не уживется.

– Но прежде бабушка прекрасно с ним ладила, – возразила я. – А потом все изменилось. Наверняка она и подумать не могла, что так сложится.

– Ну, я-то не собираюсь меняться! – заявил Пол. Он помолчал и добавил, сжав мою ладонь: – Ты уже спросила у бабушки, можно ли нам пойти на танцы?

– Да. Но она пока не ответила. Кстати, завтра приходи к нам обедать. Бабушка хочет узнать тебя получше. Придешь?

Он медлил с ответом.

– Тебе не разрешат родители, – догадалась я.

– Я обязательно приду! – пообещал он. – А родителям просто нужно время, чтобы привыкнуть к этому… Ну, что мы с тобой будем вместе, – улыбнулся он.

Глаза наши встретились, он привлек меня к себе, и мы принялись целоваться в лунном свете. Лишь гудок и блеск фар проходившего мимо автомобиля заставил нас оторваться друг от друга. Взявшись за руки, мы зашагали по направлению к кафе.

В тот вечер городские улицы казались оживленнее, чем обычно. Местные рыбаки и ловцы устриц явились в город со своими семьями, чтобы провести субботний вечер в «Королеве каджунов» – ресторане, где за умеренную плату можно было получить огромное блюдо раков и кувшин скверного пива. Атмосфера в городе царила праздничная. На углу у ресторана наяривало жизнерадостные мелодии «Трио каджунских болот», состоявшее из аккордеона, скрипки и стиральной доски. Прохожие сновали туда-сюда, зеваки, сидя на длинных кипарисовых скамьях, наблюдали за ними. Некоторые ели бенье[5], запивая их кофе, другие лакомились сушеными креветками, которые у нас называли каджунскими орешками.

Мы с Полом вошли в кафе, устроились на высоких стульях и заказали мороженое и лимонад. Пол сообщил мистеру Клементу, владельцу кафе, что мы отмечаем мой успех, и тот украсил наши порции взбитыми сливками и вишенками. Мне казалось, никогда прежде я не ела такого вкусного мороженого. Мы были так поглощены мороженым и друг другом, что не заметили, как на улице разгорелся скандал. Лишь когда все прочие посетители повскакали со своих мест и побежали смотреть, что происходит, мы последовали их примеру.

Сердце мое сжалось: нарушителем спокойствия оказался дедушка Джек. Его только что вышвырнули из «Королевы каджунов», и теперь, стоя на ступеньках ресторана, он потрясал кулаками и сыпал проклятиями.

– Надо уговорить его успокоиться и пойти домой, – пробормотала я и бросилась к дедушке.

Пол пошел за мной. Толпа начала расходиться. Пьяница, изрыгающий ругательства, не представлял для зевак особого интереса. Подбежав к дедушке, я потянула его за рукав:

---

[5] *Бенье* – пончик круглой или квадратной формы без отверстия в середине, покрытый глазурью или посыпанный сверху сахарной пудрой.

– Дедушка! Прошу тебя, прекрати!

– Кто это… какого черта…

Он повернулся и уставился на меня. Струйка виски проложила дорожку от уголка его рта по грязно-серому небритому подбородку. Седые всклокоченные волосы торчали в разные стороны. Следы подметок на его грязной одежде говорили о том, что дедушку недавно отпинали. Покачиваясь на шатких ногах, он пытался сфокусировать на мне взгляд и беспомощно моргал.

– Это ты, Габриелла? – спросил он наконец.

– Нет, дедушка, я не Габриелла. Я Руби. Идем отсюда. Тебе надо домой. Идем.

Мне частенько доводилось уговаривать дедушку идти домой, когда он встречался мне на улице в невменяемом состоянии. А он смотрел на меня затуманенным взглядом и называл именем покойной матери.

– Вот как… – Он переводил покрасневшие глаза с меня на Пола и обратно. – Руби?

– Да, дедушка. Тебе нужно пойти домой и хорошенько выспаться.

– Выспаться, выспаться, – повторял он. – Да, хорошо бы. Паскудное место! – возвысил он голос, повернувшись к «Королеве каджунов». – За свои деньги ты у них и пикнуть не смей… Сиди тихонько и лакай свое пойло… А если посмеешь что-то сказать, эти чертовы ублюдки распускают свои поганые руки!

– Дедушка, идем, – твердила я, продолжая тянуть его за рукав.

Наконец дедушка Джек двинулся по ступенькам вниз. Он пошатнулся и непременно упал бы, не поддержи его Пол.

– Моя лодка… – бормотал дедушка. – Она у пристани.

Он вырвал у меня руку и в очередной раз погрозил кулаком в сторону «Королевы каджунов»:

– Пошли вы все… Никто из вас не помнит, какими были наши края до нашествия этих гребаных прохиндеев. Вы, сосунки, об этом и знать не знаете.

– Ты уже им все высказал, дедушка. Пора домой.

– Домой? Но я не могу идти домой, – пробурчал дедушка. – Она не пустит меня в дом.

Я посмотрела на Пола и встретила его сочувствующий взгляд.

– Дедушка, идем! – взмолилась я.

Наконец он послушался, и наша троица неуверенно двинулась в сторону пристани.

– В таком состоянии он не сможет управлять моторкой, – сказал Пол. – Давай я отвезу его, а ты отправляйся к бабушке.

– Нет-нет, Пол. Я знаю здешние каналы куда лучше, чем ты.

Мы с трудом отыскали дедушкину лодку и помогли ему забраться туда. Он тяжело рухнул на скамью. Пол помог ему устроиться поудобнее и завел мотор. Люди на пристани наблюдали за нами и осуждающе качали головами. Можно не сомневаться: в самом скором времени обо всем станет известно бабушке Кэтрин. Очередные дедушкины подвиги, разумеется, ничуть не удивят ее.

Моторка отчалила от пристани, и через пару минут дедушка Джек уже вовсю храпел. Я подсунула ему под голову свернутый мешок. Он застонал и пробормотал что-то нечленораздельное.

– Мне очень жаль, что так получилось, – повернулась я к Полу. – Прости.

– За что ты извиняешься?

– Наверняка твои родители рассердятся, когда об этом узнают.

– Ерунда, – беззаботно бросил Пол.

Но я помнила, с каким мрачным лицом бабушка Кэтрин спрашивала, как относятся к нашим встречам родители Пола. Наверняка они воспользуются этим случаем, чтобы доказать сыну: от членов семьи Лэндри лучше держаться подальше. А что, если сейчас, как и в

прежние времена, кое-где появятся надписи «Лэндри вход воспрещен», о которых вспоминала бабушка Кэтрин? Неужели мне придется сбежать из нашей бухты, чтобы найти человека, которой захочет на мне жениться? Наверное, как раз это имела в виду бабушка Кэтрин, говоря, что мне лучше отсюда уехать.

Луна по-прежнему красовалась на небе, но свет едва проникал под плотный навес из ветвей кипарисов, покрытых клочьями испанского мха. Когда мы углубились в болота, управлять лодкой в потемках стало непросто. Чтобы не натолкнуться на плавучее бревно, пришлось замедлить ход. Если лунные лучи проникали сквозь завесу ветвей, мы видели, как в воде поблескивают спины аллигаторов. Один принялся бить по воде хвостом, вздымая тучи брызг, словно хотел сказать: «Убирайтесь прочь!» Вдалеке мелькнул и тут же исчез силуэт болотного оленя – мы едва успели разглядеть сверкнувшие в темноте глаза.

Наконец в сумраке появилась дедушкина хижина. Галерея была сплошь увешана сетями для ловли устриц и завалена кучами «испанской бороды» – дедушка продавал мох на мебельные фабрики, где его использовали для набивки. Я разглядела дедушкино кресло-качалку, аккордеон на нем и множество пустых бутылок из-под виски и пива вокруг, а также старую, покрытую застарелой коркой миску для гумбо. На перилах висели шкурки ондатр, с крыши галереи свисали ловушки для них. У маленького при чала стояла пирога с шестом, которой дедушка пользовался, когда собирал на болоте мох.

Пол ловко подрулил к причалу и выключил мотор. Нам предстояла трудная задача – вытащить дедушку из лодки. Он кулем висел у нас на руках, и мы непременно рухнули бы в болото, если бы не Пол, сила которого меня удивила. Почти без моей помощи он смог втянуть дедушку сначала на галерею, потом и в комнату. Я зажгла бутановую лампу и тут же пожалела об этом. Сказать, что в дедушкином жилище царил беспорядок, – значит ничего не сказать. Одежда валялась на полу, рядом с бесчисленными бутылками из-под дешевого виски. Постель была не убрана, одеяло сбито комом. Стол заставлен тарелками и мисками, на которых, как и на столовых приборах, засохли остатки пищи. Взглянув на Пола, я поняла, какое жуткое впечатление произвела на него эта вонючая берлога.

– Лучше спать в болоте, чем в такой помойке, – пробормотал он.

Я приподняла одеяло с кровати, чтобы Пол мог уложить дедушку Джека. Мы одновременно взглянули на его высокие ботинки.

– Надо их снять, – сказал Пол и принялся возиться со шнурками.

Я кивнула и начала убирать со стола. Собрала грязную посуду, отнесла ее к раковине, где посуда уже высилась горой. Пока я мыла бесчисленные тарелки и чашки, Пол бродил по хижине, собирая пустые бутылки и пивные банки.

– Не представляю, куда он катится, – вздохнула я, смахивая слезы.

Пол нежно сжал мою руку:

– Принесу воды из бочки.

Когда Пол ушел, дедушка принялся стонать. Я вы терла руки и подошла к нему. Он бормотал, не открывая глаз:

– Она не имеет права… не имеет… Она была влюблена… Я не виноват. Какая тогда разница? Скажи мне… скажи…

– О чем ты, дедушка? Кто влюблен?

– Скажи, какая разница, – продолжал бормотать он. – Разве ты имеешь что-то против денег? Вот как…

– Дедушка, да кто влюблен-то? И про какие деньги ты говоришь?

Дедушка застонал и повернулся на другой бок.

– Что у вас тут? – спросил Пол, принесший воды.

– Он разговаривал во сне. Но я ничего не поняла. Полная бессмыслица.

– Кто бы сомневался.

– Я думаю… это как-то связано с бабушкой Кэтрин… с их ссорой. Должна же быть причина, по которой они так злятся друг на друга.

– По-моему, Руби, эта причина очевидна. Посмотри, в какую скотину он сам превратился, в какой хлев превратил свой дом. Естественно, твоя бабушка не хочет жить с ним под одной крышей.

– Нет, Пол. Все не так просто. Может, он все-таки скажет…

Я опустилась на колени перед дедушкиной кроватью и потрясла его за плечо:

– Дедушка!

– Будь они прокляты, эти нефтяные компании, – пробормотал он. – Осушают болота, губят живность… Ондатры из-за этого дохнут… Жрать нечего…

– Дедушка, кто влюблен? О каких деньгах ты говорил? – настаивала я на своем.

Вместо ответа дедушка разразился оглушительным храпом.

– Когда он в таком состоянии, разговаривать с ним не имеет смысла, – вмешался Пол.

Я покачала головой и поднялась с колен.

– Правду он скажет только в таком состоянии. Трезвый он будет молчать как рыба. И бабушка Кэтрин ни за что не проговорится.

Пол сжал мою руку:

– Я попытался немного прибраться, но, чтобы привести эту берлогу в порядок, нужно несколько дней.

– Еще бы! Нам пора ехать. Моторку оставим на причале возле моего дома. Завтра он доберется туда на пироге и заберет ее.

– Бедняга, – вздохнул Пол. – Представляю, как у него будет стучать в голове. Словно там десяток барабанщиков.

Мы вышли из хижины и уселись в моторку. По пути домой мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, и почти не разговаривали. Пол обнимал меня, я опустила голову ему на плечо. Нас сопровождала причудливая какофония ночных звуков – уханье сов, плеск воды, в которой скользили змеи и аллигаторы, кваканье лягушек. Но в ушах у меня звучало пьяное бормотание деда. Не замечая ничего вокруг, я ломала голову над его словами и очнулась, лишь когда Пол коснулся губами моего лба. Он заглушил мотор, и лодка плавно заскользила к берегу.

– Руби, как здорово было сидеть с тобой вот так, – прошептал Пол. – Я был бы счастлив всю жизнь держать тебя в объятиях. Ну или хотя бы обнимать тебя всякий раз, когда мне этого хочется… То есть всегда!

– Мне тоже этого хочется, Пол, – ответила я, неотрывно глядя ему в лицо.

Губы наши встретились. Поцелуй был нежным, почти робким, но долгим. Лодка мягко ударилась о берег, но никто из нас не попытался подняться. Пол сжал меня в объятиях еще крепче. Я закрыла глаза, ощущая прикосновения его губ на щеках и опущенных веках.

– Я хотел бы засыпать по ночам, ощущая на губах вкус твоих поцелуев, – донесся до меня его прерывистый шепот.

– Я тоже, Пол.

Руки его осторожно сжали мою грудь. Я, трепеща, замерла в ожидании. Пальцы Пола медленно скользили по тонкой ткани моей блузки, нащупывая напряженный сосок. Его прикосновения доставляли мне острое наслаждение, которое пронзало все тело, подобно электрическому разряду. Но когда он начал расстегивать пуговицы бюстгальтера, по спине у меня пробежал холодок. Я страстно желала, чтобы его пальцы и губы стали еще смелее и настойчивее, чтобы они проникли к потайным местам, которых прежде никто не касался, и одновременно боялась собственного желания. Я не сомневалась в его любви и упивалась его нежностью. Но предостережения бабушки Кэтрин эхом звучали в моей памяти.

– Подожди, подожди, Пол, – сказала я неохотно. – Мы слишком торопимся…

– Прости, – пробормотал Пол и отстранился. – Я не хотел… Я только…

– Это ты меня прости. Но я должна была тебя остановить, иначе… мы зашли бы слишком далеко.

Пол понимающе кивнул и поднялся на ноги. Я оправила юбку и блузку, застегнула две верхние пуговицы. Пол помог мне выбраться из лодки и вытащил ее на берег, чтобы волны прилива не унесли моторку. Взявшись за руки, мы медленно побрели к дому. В освещенном окне кухни мелькал силуэт бабушки Кэтрин. Наверняка она пекла печенье, которое относила в церковь по воскресеньям.

– Жаль, что нам не удалось спокойно посидеть в кафе, – прошептала я.

И подумала, сколько еще раз из-за дедушки Джека мне придется попадать в неловкие ситуации.

– Главное, мы были вместе, – откликнулся Пол. – Все остальное не имеет значения.

– Ты пойдешь завтра в церковь?

Он кивнул.

– А вечером придешь?

– Разумеется.

Я расплылась в улыбке, и мы снова принялись целоваться. Наконец я, сделав над собой усилие, выскользнула из его объятий и вбежала по ступенькам на галерею. Пол проводил меня глазами и отправился к мопеду.

Едва увидев бабушку Кэтрин, я поняла: она уже слышала об очередном дедушкином художестве. Кто-то из ее многочисленных приятельниц поспешил принести ей новость.

– Зря вы не бросили этого старого бузотера на улице, – заявила она, не тратя времени на расспросы. – Пусть бы полиция отвезла его в тюрьму. Может, в другой раз он поостерегся бы ломать комедию перед всем городом. Что вы с Полом с ним сделали?

– Отвезли домой. Бабушка, если бы ты его видела…

– Зачем мне на него любоваться? Я прекрасно знаю, как выглядят свиньи! – отрезала бабушка и вновь занялась своим печеньем.

– Он не сразу меня узнал, – призналась я. – Сначала назвал Габриеллой.

– Это меня ничуть не удивляет. Думаю, он и свое имя частенько забывает.

– Потом, у себя в хижине, он разговаривал во сне.

– Да что ты? – Она повернулась ко мне.

– Несколько раз упомянул, что кто-то влюблен и про какие-то деньги. Спрашивал, какая тогда разница. Ты знаешь, что он имел в виду, бабушка?

Я попыталась заглянуть бабушке Кэтрин в глаза, но взгляд ее ускользнул от моего. Она поспешно отвернулась к плите. Можно было не сомневаться: она что-то скрывает.

– По-моему, нет занятия глупее, чем разбираться в околесице, которую человек плетет с пьяных глаз, – изрекла она. – Проще распутать паутинку, не порвав.

– Но все же, бабушка, он имел в виду мою мать? Какие же тогда деньги? – настаивала я.

Ответом мне было молчание.

– Наверное, дедушка проиграл ваши деньги – твои и мамины? – не унималась я.

– Руби, я же тебе сказала – не пытайся найти смысл там, где его нет. И вообще уже поздно. Пора спать. Завтра мы с тобой пойдем в церковь к ранней службе. Должна тебе сказать, мне совершенно не нравится, что вы с Полом из-за этого старого олуха таскались по болотам. Тебе нечего делать на болотах. Они красивы, если только любоваться ими со стороны. Но это обольщение дьявола. Стоит туда сунуться, столкнешься с такими опасностями, что и представить себе нельзя. Мне казалось, Пол – разумный парень. И я очень разочарована в нем, раз он потащил тебя на болота!

– Нет-нет, бабушка. Никто меня никуда не тащил! Пол хотел отвезти дедушку один, а меня отправить домой. Но я не согласилась.

– Так или иначе, он очень упал в моем мнении, – заявила бабушка.

Она вперила в меня взгляд темных глаз и наставительно произнесла:

– Ты не должна проводить так много времени в обществе этого парня. Ты слишком молода.

– Бабушка, мне пятнадцать лет! Некоторые каджунские девушки моего возраста уже замужем, а у других и дети есть!

– Это не значит, что ты должна следовать их примеру. Ты должна быть умнее и поступать по-умному.

– Да, конечно. Но мы с Полом ничего плохого не сделали. Мы только…

– Хватит об этом, – отрезала она. – День сегодня выдался удачный. Не будем портить его бесконечными разговорами о твоем деде. Иди спать, Руби, – распорядилась бабушка. – Завтра, когда вернемся из церкви, поможешь мне приготовить воскресный обед. У нас ведь будет гость, не так ли? – осведомилась она не без иронии.

– Да, бабушка. Он придет.

Я отправилась к себе. В душе у меня царил полный сумбур. Прошедший день принес слишком много радостей и огорчений. Может, бабушка Кэтрин права и тревожить темные тени прошлого не имеет смысла. Иначе эти тени затмят солнечный свет сегодняшнего дня и не позволят мне быть счастливой. Лучше оставить их в покое и думать о приятном.

Например, о моих картинах. О том, как они будут висеть в художественной галерее Нового Орлеана. Или о нежных прикосновениях губ Пола… О том, как каждая клеточка моего тела пела в его объятиях… А самое приятное – мечтать о счастливом будущем, которое меня ожидает… У меня будет огромный прекрасный дом, просторная светлая студия. Несомненно, радости в этой жизни больше, чем печали, иначе все люди с горя ударились бы в запой, подобно дедушке Джеку. Погрузились бы в болото собственного изготовления, где тонут мысли не только о прошлом, но и о будущем.

3. Несбыточные мечты

Утром мы с бабушкой Кэтрин нарядились в выходные платья. Расчесав волосы, я завязала их пунцовой лентой, и мы отправились в церковь. Бабушка несла свой неизменный подарок отцу Рашу – коробку домашнего печенья. Утро было ясное, легкие перистые облака лениво скользили по бирюзовому небу. Я глубоко вдыхала теплый воздух, приправленный солеными дуновениями бриза с Мексиканского залива. В такие утра я всегда чувствовала себя бодрой, полной жизни и особенно остро ощущала красоту природы.

Когда я спускалась по ступенькам галереи, в ветвях мелькнула красная спинка кардинала, прилетевшего к своему уютному гнездышку. По дороге я любовалась цветущими в канавах лютиками и белоснежными россыпями крошечных нежных цветочков, называемых «кружева королевы Анны».

Даже на запасы пищи, сделанные сорокопутом, я смотрела без отвращения. Эта птица, которую еще называют птицей-мясником, развешивает свою добычу, ящериц и небольших змей, сушиться на ветвях деревьев. Дедушка Джек рассказывал мне, что этими припасами она питается зимой.

– Мясники – единственные птицы, которые не желают жить парами, – говорил дедушка. – Не хотят, чтобы жены пилили их с утра до вечера. Умные пичуги, ничего не скажешь, – изрекал он, сплевывал жеваный табак и отхлебывал виски из горлышка бутылки.

Откуда у дедушки эта горечь, вновь спрашивала я себя? Но в такое чудное утро мне не хотелось долго ломать голову над неприятными вопросами. К тому же впереди уже сиял высокий шпиль церкви, увенчанный крестом. Более полутора веков назад каджуны, поселившиеся в бухте, с любовью возвели этот каменный храм. Всякий раз, входя под своды церкви, я ощущала себя наследницей предшествующих поколений.

Чем ближе мы подходили к храму, тем больше напрягалась бабушка Кэтрин, она особенно гордо вы прямила спину. На небольшой круглой площади перед входом в церковь стояли, оживленно разговаривая, несколько человек, судя по виду весьма состоятельных. Все они внезапно смолкли и уставились в нашу сторону с откровенным неодобрением. Под их взглядами бабушка Кэтрин еще выше вскинула голову.

– Уверена, они чешут языками о вчерашних подвигах твоего дедушки, – едва слышно пробормотала она. – Но я считаю, что его сумасбродства не имеют ко мне ровным счетом никакого отношения.

С гордым выражением лица, красноречиво говорившим, что она намерена защитить свою репутацию от любых происков, бабушка Кэтрин направилась к церковным дверям. Люди у входа потянулись внутрь – служба должна была вот-вот начаться. В толпе я заметила родителей Пола, Октавиуса и Глэдис Тейт. Миссис Тейт бросила в мою сторону взгляд такой тяжелый, что мне показалось, в меня угодил камень. Пол, болтавший со своими школьными приятелями, увидел меня и просиял улыбкой, но тут же, заметив властный взор матери, поспешил вслед за ней, отцом и сестрами.

Подобно другим богатым каджунским семьям, Тейты сидели на передних скамьях, так что до начала мессы у нас с Полом не было возможности перекинуться даже словом. После службы бабушка подошла к отцу Рашу, высокому, худощавому священнику, и вручила ему свой презент. Он поблагодарил ее с застенчивой улыбкой.

– Слышал, миссис Лэндри, недавно вам вновь пришлось поработать, – произнес он с легкой укоризной в голосе. – На днях вы опять разбирались с какими-то духами.

– Я сделала то, что требовалось, – сурово отрезала бабушка и, поджав губы, взглянула священнику прямо в глаза.

– Все, что от нас требуется, – не смешивать веру и молитву с темными суевериями, – изрек отец Раш и добавил с улыбкой: – Но мы должны помогать Церкви в борьбе с дьяволом, и я никогда не отвергну помощь, идущую от чистого сердца.

– Рада слышать, святой отец.

Отец Раш рассмеялся и тут же переключил внимание на Тейтов и прочих состоятельных прихожан, постоянно делающих церкви щедрые пожертвования. Пока родители Пола разговаривали со священником, он подошел к нам. В темно-синем костюме, с тщательно зачесанными назад волосами, он выглядел таким красивым и взрослым, что произвел впечатление даже на бабушку Кэтрин.

– В какое время сегодня можно будет прийти к вам, миссис Лэндри? – спросил он у бабушки.

Та метнула взгляд в сторону его родителей.

– Приходи в шесть, – сказала она и направилась к своим приятельницам, болтавшим поодаль.

Пол выждал, когда она отойдет на безопасное рас стояние, и вполголоса сообщил:

– Сегодня только и разговоров что о твоем деде.

– Мы уже догадались. Твои родители знают, что ты помог мне отвезти его домой?

Пол промолчал, но я все поняла по его лицу.

– Прости, что навлекла на тебя неприятности, – вздохнула я.

– Ерунда, – махнул он рукой. – Я им все объяснил, – добавил он с жизнерадостной улыбкой.

В отличие от меня, Пол был неисправимым оптимистом, не склонным к сомнениям, подозрениям и терзаниям.

– Пол! – раздался голос его матери.

На лице ее застыло неодобрительное выражение, рот казался косой ножевой прорезью, а вытянутые к вискам глаза напоминали кошачьи. Держалась она прямо и напряженно.

– Иду! – откликнулся Пол.

Мать его склонилась и прошептала что-то на ухо отцу, тот повернулся и взглянул на меня.

Внешне Пол походил на отца – высокого, представительного, холеного, всегда элегантно одетого. От отца Пол унаследовал красиво очерченный рот, крепкий подбородок и идеально прямой нос.

– Нам пора! – объявила миссис Тейт.

– Я должен идти. Сегодня к нам на ланч придут родственники. Увидимся! – пообещал Пол и поспешил вслед за родителями.

Я подошла к бабушке, которая как раз приглашала миссис Ливадис и миссис Тибодо к нам на кофе с черничным пирогом. Зная, как медленно ходят почтенные дамы, я поспешила вперед, чтобы сварить кофе. Подбегая к домику, увидела на пристани дедушку, который привязывал свою пирогу к корме моторки.

– Доброе утро! – крикнула я.

Он медленно поднял голову. Глаза его были полуприкрыты распухшими веками, волосы спутанными прядями падали на воротник. Я вспомнила про барабаны, которые, по предположению Пола, должны были стучать в несчастной дедушкиной голове. Вид у него действительно был измученный и сердитый. Дедушка не дал себе труда переодеться, и запах дешевого виски, выпитого вчера, окружал его как облако. Бабушка Кэтрин всегда говорила – если дедушка упадет в болото, ему это пойдет только на пользу.

«По крайней мере, хорошенько выкупается!» – объясняла она.

– Это ты вчера вечером отвезла меня домой? – угрюмо спросил дедушка.

– Да, дедушка. Мне помог Пол.

– Пол? Какой еще Пол?

– Пол Тейт.

– А, сынок богатея! – проворчал дедушка. – Эти консервные фабриканты ничуть не лучше проклятых нефтяников. Так же губят болота, ради своих здоровенных лодок расширяют проходы. Ни к чему тебе валандаться с парнями из подобных семей. От таких девчонок, как ты, им нужно только одно.

– Пол очень хороший, – обиженно возразила я.

В ответ дедушка пробурчал что-то нечленораздельное и вновь занялся узлом.

– Ты была в церкви? – спросил он, не глядя на меня.

– Да.

Дедушка бросил взгляд в сторону дороги:

– Твоя бабушка наверняка болтает с какими-нибудь старыми перечницами. Они и в церковь ходят, чтобы посплетничать.

– Служба была замечательная. Почему ты никогда не бываешь в церкви, дедушка?

– Вот моя церковь! – заявил дедушка и махнул рукой в сторону болот. – Обхожусь без священников, и никто не стращает меня адом и вечными муками.

Он запрыгнул в моторку, явно собираясь отчаливать.

– Дедушка, может, зайдешь в дом, выпьешь кофе? Я сейчас сварю. Бабушка пригласила подруг на черничный пирог и…

– Ну уж нет! Я не желаю, чтобы эти стервятницы на меня налетели! – Дедушка пристально посмотрел на меня, и взгляд его смягчился. – Тебе очень идет это платье, – заметил он. – Ты выросла такой же красавицей, как и твоя мать.

– Спасибо, дедушка.

– Я так понял, ты немножко прибралась в моем логове?

Я молча кивнула.

– Спасибо.

Он потянул за шнур, собираясь завести мотор.

– Дедушка! – набравшись решимости, выпалила я. – Вчера вечером ты говорил во сне. Когда мы привезли тебя домой. Ты сказал, что кто-то был влюблен. И про какие-то деньги.

Он поднял голову и уставился на меня. Взгляд его мгновенно стал непроницаемым.

– А что еще я говорил?

– Больше ничего. Так про что это?

Он пожал плечами:

– Наверное, вспомнил какую-нибудь давнишнюю историю, может, отец или дед мне рассказывали. Ты же знаешь, у нас в роду все были отчаянными игроками, – сообщил он не без гордости. – Страшно представить, сколько денег прошло через руки моих предков! – Сказав это, дедушка взглянул на собственные грязные руки. – И все Лэндри как один пользовались бешеным успехом. Женщины влюблялись как сумасшедшие. Если выстроить всех их любовниц в ряд, хватило бы до Нового Орлеана.

– Поэтому ты тоже спускаешь все деньги в карты? Бабушка говорит, дело в крови Лэндри.

– Что ж, она права. Только я не такой удачливый, как мои предки.

Дедушка расплылся в улыбке, обнажив щербатый рот. Он сам вырывал себе гнилые зубы, когда боль становилась нестерпимой.

– Мой прадедушка, Джиб Лэндри, играл наверняка, – сообщил он. – Понимаешь, что это значит? Он никогда не проигрывал, потому что играл краплеными картами. – Дедушка рассмеялся. – У него было прозвище Непобедимый. Да, обыграть его не удавалось никому.

– А что с ним случилось потом?

– Его застрелили на пароходе «Дельта квин». Сама понимаешь, жизнь игрока – сплошной риск. А человека, который опасности не боится, можно назвать игроком, даже если он никогда не брал в руки карт.

Дедушка вновь потянул за шнур. Мотор несколько раз фыркнул, но не заработал.

– Когда-нибудь я выберу время и расскажу тебе побольше о нашем семействе, о твоих предках, – пообещал он. – Ты должна о них знать.

Дедушка в очередной раз дернул за шнур, и мотор наконец заурчал.

– У меня дела, – бросил дедушка. – Нужно ловить устриц.

– Я бы хотела, чтоб ты пришел к нам сегодня обедать и познакомился с Полом!

«Мне бы хотелось, чтобы мы жили под одной крышей, как положено нормальной семье», – мысленно добавила я.

– Что значит – познакомился с Полом? – удивился дедушка. – Твоя бабушка что, пригласила его обедать?

В голосе звучало явное недоверие.

– Я его пригласила. А бабушка сказала, что не возражает.

Он удивленно смотрел на меня некоторое время, потом вернулся к мотору.

– Извини, у меня нет времени на светскую жизнь. Поеду.

На дороге появилась бабушка Кэтрин в окружении подруг. Дедушка бросил взгляд в их сторону и поспешно отвернулся.

– Дедушка! – крикнула я.

Но лодка уже отошла от пристани и быстро заскользила по поверхности мелкого соленого озера, переходящего в болото. Дедушка ни разу не оглянулся. Через несколько минут лодка скрылась из виду. Лишь шум мотора, доносившийся до меня, говорил о том, что лодка несется по каналу.

– Зачем он явился? – спросила бабушка Кэтрин, подходя ко мне.

– Забрать моторку.

Бабушка посмотрела в ту сторону, где исчезла лодка. Глаза ее были зловеще прищурены, словно она мысленно просила болота поглотить дедушку навеки. Лишь когда шум мотора затих вдали, бабушка Кэтрин вернулась к своим подружкам. Они вошли в дом, возобновив перерванный разговор, а я осталась на берегу. Когда-то эти два человека любили друг друга, были женаты, имели дочь. Какая же причина сумела их разлучить? Почему они стали видеть друг в друге изъяны, которых не замечали раньше? Неужели любовь – или то, что человек считает любовью, – делает его слепым?

Позднее, когда бабушкины подруги ушли, мы принялись за приготовление воскресного обеда. Мне хотелось поговорить о дедушке Джеке, но я не отваживалась, потому что знала по опыту: мои расспросы приводят бабушку Кэтрин в скверное расположение духа. Учитывая грядущий визит Пола, рисковать мне не хотелось.

– Ничего особенного готовить не будем, – сказала бабушка. – Надеюсь, ты не рассчитываешь поразить ухажера роскошным столом.

– Нет, конечно, Полу это не нужно. По нему ведь никак не скажешь, что он из богатой семьи. Он совсем не похож на свою мать или сестер. Каждый в нашей школе скажет, что они задирают нос. А Пол ничуть.

– Может, так и есть. Но мы живем совсем иначе, чем Тейты. И разница в вашем положении обязательно скажется. Ты должна быть к этому готова. И не надо воображать, что твой Пол – предел совершенства. Иначе горько разочаруешься. Такова уж человеческая природа. Чем выше пьедестал, на который мы возводим человека, тем стремительнее он с него падает.

– Никуда Пол не упадет, бабушка! – заявила я с такой непоколебимой уверенностью, что в бабушкином взгляде вспыхнула тревога.

– Ты ведь не глупая девочка, верно, Руби?

– Надеюсь, бабушка!

– Тогда не забывай, что случилось с твоей матерью!

Выражение бабушкиного лица было суровым и не предвещало ничего хорошего. Я даже испугалась, что наш званый обед пройдет в угрюмой и напряженной обстановке. Однако кухонные хлопоты отвлекли бабушку от тревожных размышлений. Несмотря на свое намерение приготовить самый заурядный обед, она все же решила блеснуть кулинарным мастерством. Стряпать она любила больше всего на свете, особенно для тех, кто мог оценить ее искусство. Мы взялись за одно из самых вкусных каджунских блюд: джамбалайю. Бабушка объявила, что на десерт будет торт с заварным кремом.

– Мама тоже хорошо готовила, да, бабушка? – спросила я.

– Очень, – ответила она, улыбнувшись воспоминаниям. – Когда дело касалось стряпни, ей не надо было ничего растолковывать. Габриелле еще девяти лет не было, а она уже варила гумбо. А в двенадцать готовила такую вкусную джамбалайю, что с ней никто не мог соперничать. Тогда дедушка Джек еще не утратил человеческого облика. Он брал Габриеллу на болота, показывал, что там есть съестного. Она все схватывала на лету. Знаешь, как про нас говорят: каджуны едят всех, кто не ест их.

Бабушка рассмеялась и принялась мурлыкать любимую мелодию. По воскресеньям мы делали в доме большую уборку. Это воскресенье было к тому же особенным, и я взялась за дело с особым рвением: вымыла до блеска все окна, надраила полы так, что они засверкали, и протерла всю мебель, не оставив нигде ни пылинки.

– Можно подумать, сегодня вечером к нам пожалует король французский, – подтрунивала надо мной бабушка. – Руби, прошу, не пускай пыль в глаза этому мальчишке. До добра это не доведет.

– Я не собираюсь никому пускать пыль в глаза, бабушка, – возмущалась я. – Еще не хватало!

Но в глубине души я, конечно, рассчитывала про извести впечатление на Пола. Может, он даже расскажет родителям, какие мы с бабушкой замечательные хозяйки, и они поймут, что зря противились нашей дружбе.

К концу дня наш маленький домик сверкал чистотой и полнился соблазнительными ароматами. По мере того как стрелки часов приближались к шести, мое волнение возрастало. Я надеялась, что Пол придет пораньше, и где-то за час до назначенного времени устроилась на галерее, высматривая, не появится ли он. Стол был накрыт. Я надела свое лучшее платье, сшитое бабушкой, – белое с широкой кружевной каймой, кружевной вставкой на груди, кружевными рукавами-фонариками до локтя и шелковым голубым поясом.

– Удачный фасон мы выбрали! – заметила бабушка, оглядев меня с головы до пят. – Благодаря этой вставке грудь у тебя как у взрослой. Ну-ка, повернись! – Она расправила складки на моей юбке. – Надо признать, Руби, ты превращаешься в настоящую красавицу. Ты даже красивее, чем была твоя мать в эти годы.

– Хотела бы я в твоем возрасте быть такой же красивой, как ты сейчас, бабушка!

– Вот уж придумала! Да такой старой карге только птиц на болоте распугивать! – рассмеялась бабушка, но я видела, что слова мои ей приятны.

Когда часы пробили шесть, я вся извелась от ожидания. Напрасно я напрягала слух, пытаясь уловить треск мопеда. Вокруг стояла тишина. Бабушка тоже вышла на галерею и бросила взгляд в сторону дороги. Потом сочувственно посмотрела на меня и вернулась на кухню – завершить последние приготовления. Сердце мое сжималось от беспокойства. Ветер крепчал, раскачивая верхушки деревьев. Где же он?

К семи часам я не знала, что и думать. По лицу бабушки, вновь вышедшей на галерею, я поняла: она считает дальнейшее ожидание бессмысленным.

– Пол никогда не опаздывает! – сказала я. – Надеюсь, с ним ничего не случилось.

Бабушка Кэтрин не ответила, да в этом и не было необходимости – взгляд ее говорил яснее слов.

– Идем в дом, Руби. Будем обедать. Не пропадать же нашей стряпне.

– Бабушка, давай подождем! – взмолилась я. – Он обязательно придет. Просто его что-то задержало.

Бабушка кивнула и ушла в дом, но еще через четверть часа вновь появилась в дверях:

– Мы не можем ждать его до утра.

Я встала и побрела в дом. Есть мне не хотелось совершенно. Бабушка молча подала на стол и села напротив меня.

– Джамбалайя сегодня удалась как никогда, – сказала она и добавила: – Хотя мне и приходится самой хвалить себя.

– О, все замечательно, бабушка. Просто у меня нет аппетита. Я… я так волнуюсь из-за Пола…

– Ну, волноваться ты можешь и на сытый желудок, – усмехнулась бабушка.

Сделав над собой усилие, я взялась за еду. Надо признать, торт с заварным кремом был так хорош, что я, несмотря на все свое уныние, уплела несколько кусков. После обеда мы с бабушкой вымыли посуду и я вернулась на галерею. Какая же причина вынудила Пола отказаться от вечера, который мог стать таким прекрасным?

Прошел еще почти час, прежде чем я услышала треск приближающегося мопеда. Пол мчался по дороге на максимальной скорости. Соскочив с мопеда, он бросился к дому.

Я вскочила со своего места:

– Что произошло?

– Руби, я так виноват перед тобой. Мои родители… В общем, мне запретили идти к вам. Я отказался обедать с ними, и отец запер меня. Хорошо, что мне удалось вылезти в окно и приехать. Надо извиниться перед твоей бабушкой.

Я сбежала по ступенькам галереи:

– Но почему тебя не пускали к нам? Из-за дедушки? Из-за его вчерашней выходки?

– Да… и не только. Они жутко разозлились, но мне наплевать! – Он сжал мою руку.

– Бабушка говорила, что так и будет, – кивнула я.

– У них ничего не выйдет! Им не удастся нас разлучить. Они просто не имеют права. Они… И я…

– Пол, это твои родители, – сказала я сухо. – И тебе придется их слушаться. Так что возвращайся домой.

Казалось, что сердце мое превратилось в ком болотной глины. Все вокруг потускнело, словно нашу бухту накрыла темным покрывалом сама неумолимая Судьба. Она не жалует влюбленных и не знает к ним снисхождения, это часто повторяла бабушка Кэтрин.

Пол покачал головой. Ничего не осталось в нем от взрослого парня – сейчас он казался мне беспомощным и беззащитным, как семилетний ребенок.

– Не позволю нас разлучить, – упрямо повторил он. – Я знаю, что всем им обязан, но пусть забирают то, что дали. Не буду жить по их указке.

– Если ты будешь противиться родителям, они лишь возненавидят меня еще сильнее, – прошептала я.

– Ну и плевать! Мы будем вместе, а это главное. Пожалуйста, Руби, скажи, ведь я прав? – взмолился он, сжимая мою руку еще крепче.

– Ты прав, Пол, – вздохнула я. – Но я боюсь.

– Не бойся! – воскликнул он и коснулся губами моей макушки. – Я никому не дам тебя в обиду.

Я смотрела в его огромные задумчивые глаза. То, что творилось у меня на душе, трудно было объяснить словами. Я беспокоилась не за себя, а за него. Человек, бросивший вызов

судьбе, навлекает несчастье на тех, кого любит. Так учила меня бабушка Кэтрин. Бороться с судьбой – все равно что пытаться удержать волну, говорила она.

– Ты мне веришь? – настаивал Пол. – Веришь?

В ответ я лишь тяжело вздохнула.

– Решено, – заявил он. – Пойду извинюсь перед твоей бабушкой.

Я осталась сидеть на ступеньках. Через несколько минут Пол вернулся.

– Похоже, я пропустил настоящий пир! А все из-за них! – воскликнул он, бросив в сторону дороги взгляд, почти столь же горький, как у дедушки Джека.

Я молчала. Мысль о том, что из-за меня Пол возненавидит своих родителей, казалась мне невыносимой. Ведь это такое счастье – иметь семью, отца и мать, дом. Он должен бы дорожить этим. Разве можно рисковать семейным согласием из-за какой-то девчонки вроде меня?

– Мои предки совсем спятили! – не унимался Пол.

– Они беспокоятся о тебе, – вздохнула я. – Хотят, чтобы тебе было хорошо. Думают, как будет лучше для тебя.

– Руби, самое лучшее для меня – быть с тобой! – выпалил он. – И моим родителям придется это понять. – В глазах его сверкала решимость. – Ладно, поеду домой. Еще раз прости, что испортил вам вечер.

– Хватит об этом, Пол, – махнула я рукой, поднимаясь со ступеньки.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Почему все-таки родители Пола так решительно настроены против наших встреч? Неужели боятся, что дурная кровь Лэндри, текущая в моих жилах, испортит жизнь их сыну? Или считают, что ему следует водить компанию только с девушками из состоятельных семей?

Пол взял меня за руку:

– Клянусь, я не позволю им причинить тебе боль!

– Пожалуйста, Пол, не ссорься из-за меня с родителями, – взмолилась я.

– Я с ними не ссорюсь, это они ссорятся со мной, – возразил Пол. – Спокойной ночи!

Он наклонился, быстро коснулся губами моих губ, подбежал к валявшемуся на земле мопеду, вскочил на него и тут же исчез в темноте. Поднявшись на галерею, я встретила пристальный взгляд бабушки Кэтрин.

– Он славный мальчик, – сказала она, стоя в дверях. – Но каджунского парня нельзя разлучать с родителями. Иначе сердце у него разорвется. Помни об этом, Руби. И о том, что некоторым вещам не суждено сбыться, тоже помни.

Бабушка скрылась в доме. Слезы струились у меня по лицу. Впервые я поняла, почему дедушка Джек предпочитает жить на болотах, вдали от людей.

И все же, вопреки всему, я надеялась, что в следующую субботу мы с Полом отправимся танцевать файс-додо. Несколько раз я пробовала заговорить об этом с бабушкой, но она уклончиво отвечала:

– Посмотрим!

В пятницу вечером я решила добиться более внятного ответа.

– Бабушка, скажи наконец, отпускаешь ты меня или нет. А то Пол не знает, заходить ему за мной завтра или нет. Нечестно так с ним поступать.

Бабушка терпеть не могла подобных выражений в духе дедушки Джека. Но я так извелась, что была готова на любую дерзость.

– Руби, я хочу лишь уберечь тебя от разочарований, – сказала она. – Родители этого парня против ваших встреч. Если он ослушается, они придут в ярость. И обвинять во всем будут меня.

– Почему, бабушка? Ты-то здесь при чем?

– Так или иначе, они сочтут меня главной виновницей. И не только они, но и все прочие. – Бабушка помолчала. – Ладно. Миссис Бордо тоже собиралась в танцевальный зал – посмотреть на молодых. Пойдем все вместе. Кстати, я давно уж не слыхала хорошей каджунской музыки.

– Бабушка, но я же не ребенок! – простонала я. – Мне пятнадцать лет. В таком возрасте на танцы ходят с парнями! Многие девушки давно уже встречаются с молодыми людьми!

– Конечно, ты не ребенок, Руби, но…

– Но ты относишься ко мне именно так!

Я разразилась слезами, бросилась в свою комнату и растянулась на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

Может, главная проблема в том, что я живу с бабушкой-знахаркой, которая видит злых духов в каждом темном углу и изгоняет их при помощи заклинаний, свечей и тотемов? Наверняка это именно так. Поэтому родители Пола считают нас чокнутой семейкой и не желают, чтобы сын связывался со мной.

И зачем только мама умерла, а отец бросил меня? На всем белом свете у меня только дедушка, который живет посреди болот, словно дикий зверь, и бабушка, которая считает меня неразумной дитятей. Сердце мое разрывалось от обиды и жалости к себе. С парнями встречаются, сколько им угодно, даже совсем несимпатичные девчонки. А я должна курам на смех тащиться на танцы с бабушкой! Никогда прежде я не ощущала столь сильного желания убежать отсюда куда глаза глядят.

Лестница заскрипела под ногами бабушки Кэтрин. Шаги ее казались тяжелее, чем обычно. Она тихонько постучала и приоткрыла дверь. Я по-прежнему лежала, уткнувшись в подушку.

– Руби, не сердись, – донесся до меня голос бабушки. – Я просто пытаюсь тебя защитить.

– Не надо меня защищать! – возмутилась я. – Я сама могу о себе позаботиться! Пойми, наконец, я не ребенок!

– Взрослые тоже нуждаются в защите, – со вздохом пояснила бабушка. – Матери стараются защищать и оберегать даже сильных мужчин.

– Но у меня матери нет! – выкрикнула я и тут же пожалела о своих словах.

Бабушка понурила плечи, опечалилась. Внезапно она показалась мне глубокой старухой.

– Я знаю, детка, – пробормотала она. – Потому я и трясусь над тобой. Конечно, заменить тебе мать я не в силах. Но кое-что сделать могу… Этого мало, спору нет… но…

Я поспешно начала оправдываться:

– Бабушка, я вовсе не хотела сказать, что ты мало делаешь для меня! Прости, это было грубо! Но мне ужасно хочется пойти на танцы с Полом. Хочется чувствовать себя взрослой девушкой. Разве тебе этого не хотелось в моем возрасте?

Бабушка вперила в меня долгий взгляд.

– Будь по-твоему, – сказала она наконец. – Если Пол зайдет, отправляйтесь танцевать. Но потом сразу домой, поняла?

– Конечно, бабушка. Конечно. Спасибо!

Бабушка покачала головой.

– В юности трудно смириться с неизбежным, – вздохнув, произнесла она. – В юности человек готов вступить с судьбой в схватку. Но она редко заканчивается победой, гораздо чаще – поражением. Люди, которые бросаются в бой очертя голову, становятся жертвами судьбы. Судьба беспощадна к упрямым и безрассудным. Запомни это, Руби.

– Что значит – стать жертвой судьбы? – пожала я плечами.

– Со временем поймешь, – изрекла бабушка многозначительно. – Непременно поймешь.

Она вновь вздохнула и двинулась к дверям:

– Пойду выглажу тебе платье!

– Спасибо, бабушка. – Я вытерла слезы и улыбнулась. – Но я и сама могу погладить.

– Ничего. Мне надо чем-нибудь заняться.

Бабушка вышла из комнаты, по-прежнему понурив голову.

Всю субботу я провозилась с собственными волосами, решая, какая прическа идет мне больше всего. Может, стоит распустить волосы? Или завязать их в хвост яркой лентой? А может, собрать во французский пучок на затылке? Измучившись от сомнений, я обратилась за советом к бабушке Кэтрин.

– У тебя такое милое личико, – сказала она, – зачеши волосы гладко, чтобы его открыть. Тебе так очень идет. Можешь не сомневаться, поклонников у тебя будет множество, – добавила она, как мне показалось, скорее для собственного успокоения. – Так что не спеши отдавать свое сердце. Обещаешь?

– Обещаю, – закивала я. – Бабушка, ты хорошо себя чувствуешь? Вид у тебя очень усталый.

– У меня побаливает спина, это давнишняя история, да сердце время от времени бьется слишком уж часто, – призналась бабушка Кэтрин. – Ничего страшного.

– Боюсь, ты слишком много работаешь, – посетовала я. – Жаль, что дедушка Джек не помогает нам, а пропивает и спускает все свои деньги в карты.

– Он и себе-то помочь не может, не только нам, – возразила бабушка. – И мне не нужна его помощь, его грязные деньги.

– Чем же он хуже прочих охотников, промышляющих на болотах? Почему его деньги грязные?

– Потому, – отрезала бабушка. – Хватит об этом. От этих разговоров сердце у меня начинает стучать, как барабан на параде.

Опасаясь за бабушку, я проглотила невысказанные вопросы и занялась своим нарядом и туфлями. Погода стояла переменчивая, сильный ветер то и дело приносил дождевые тучи, и поэтому Пол решил воспользоваться родительской машиной. Он сообщил, что отец разрешил это, однако мне показалось, что о чем-то Пол умалчивает. Приставать к нему с расспросами я не стала. Услышав шорох колес, я бросилась к дверям.

Бабушка встала за моей спиной.

– Это он! – крикнула я.

– Следи, чтоб кавалер не гнал как сумасшедший! И сразу после танцев – домой! – напомнила бабушка.

Пол взбежал на галерею. Снова начался дождь, и он открыл для меня зонтик.

– Ох, Руби, какая ты сегодня красивая! – воскликнул он и, увидев бабушку за моей спиной, приветствовал ее: – Добрый вечер, миссис Лэндри.

– Доставишь ее домой в целости и сохранности! – приказала бабушка. – И не задерживайтесь допоздна.

– Да, мэм.

– И машину веди поосторожнее.

– Само собой.

– Бабушка, ну пожалуйста! – взмолилась я.

Бабушка закусила губу, будто пытаясь сдержать рвущиеся наружу слова. Я подбежала к ней и поцеловала в щеку.

– Приятного вечера! – пожелала она.

Мы с Полом, прижавшись друг к другу под зонтиком, поспешили к машине. Оглянувшись, я увидела, что бабушка Кэтрин стоит в дверях и смотрит нам вслед. Она вновь показалась мне старой и к тому же маленькой и хрупкой. Мое взросление как будто делало ее старение более быстрым. Несмотря на радостное возбуждение, превратившее ненастный вечер в погожий и ясный, я ощутила острый укол печали. Сердце мое болезненно сжалось. Но Пол включил мотор, и все тревожные мысли улетучились. Впереди были только радость и счастье.

Зал для файс-додо находился на другом конце города. Это было просторное помещение, всю меблировку которого составляли длинные скамьи вдоль стен, предназначенные для пожилых людей. В соседней комнате, чуть поменьше, на столах стояли кастрюли с гумбо. Сцены как таковой в зале не было, музыканты – аккордеонист, гитаристы, скрипач и ударник, игравший на треугольнике, – располагались на высоком помосте. Иногда к ним присоединялись певцы.

Здесь собирались люди со всей бухты. Многие семьи приводили детей. Самых маленьких укладывали спать в соседней комнате. Файс-додо начинали танцевать, когда все малыши уже были уложены. Некоторые отцы семейств, пока их жены и дети постарше танцевали тустеп, играли в карты – особой популярностью здесь пользовалась игра, именуемая бурре.

Едва войдя в зал, мы с Полом подняли целую волну возбужденного шепота. Я поймала на себе несколько любопытных взглядов. Всем хотелось знать, неужели Пол Тейт и правда связался с девчонкой из самой что ни на есть бедной семьи? Пол то ли не замечал взглядов и перешептываний, то ли решил игнорировать их. Не теряя времени, мы начали танцевать. Я заметила нескольких своих одноклассниц, пожиравших меня ревнивыми взглядами. Конечно, каждой из них хотелось бы станцевать файс-додо с Полом Тейтом.

Один танец следовал за другим, мы аплодировали в конце каждой песни. Время летело быстро. Мы и не заметили бы, что прошел целый час, если бы не проголодались и не захотели пить. Смеясь и держась за руки, мы отправились в соседнюю комнату освежиться. Ни Пол, ни я не обратили внимания на стайку мальчишек под предводительством Тёрнера Брауни, школьного забияки. Это был семнадцатилетний крепыш с бычьей шеей, копной темно-каштановых волос и грубоватыми чертами лица. Говорили, что семья его ведет свой род от багорщиков, ходивших по Миссисипи задолго до изобретения пароходов. Народ это, как известно, буйный и неотесанный, и представители семейства Брауни унаследовали нрав своих предков. Тёрнер старательно поддерживал репутацию, являясь зачинщиком большинства школьных драк и ввязываясь в те, что вспыхнули без его участия.

– Привет, Тейт, – бросил он, когда мы, налив себе гумбо, присели у стола. – Мамочка знает, что ты сегодня обжимаешься с девкой?

Дружки его разразились хохотом. У Пола вспыхнули щеки. Он медленно поднялся.

– Думаю, Тёрнер, тебе лучше взять свои слова обратно и извиниться, – процедил он.

Тёрнер Брауни издевательски ухмыльнулся:

– А что будет, если я этого не сделаю? Ты пожалуешься папочке?

Друзья его вновь покатились со смеху. Я потянула Пола за рукав. Он разозлился по-настоящему, казалось, сейчас испепелит противника взглядом.

– Пол, не обращай внимания, – лепетала я. – Стоит ли сердиться на такого придурка?

– Заткни пасть! – произнес Тёрнер. – Я, может, и придурок, но хотя бы знаю, кто мой отец.

В следующее мгновение Пол вихрем налетел на обидчика и, хотя тот был намного крупнее, повалил на пол. Приятели Тёрнера с радостным улюлюканьем окружили дерущихся. Тёрнер, явно превосходивший Пола в силе, быстро уложил его на лопатки и взгромоздился ему на живот. Я с ужасом увидела, что щека Пола, по которой соперник заехал кулаком, распухает на глазах. От следующего удара Пол сумел уклониться. Тут подоспели

взрослые и растащили бойцов. Пол встал на ноги не без труда. Его нижняя губа была разбита и кровоточила.

– Что здесь происходит? – рявкнул мистер Лафорш, отвечающий за порядок в зале.

– Он на меня набросился, – заявил Тёрнер, указывая на Пола.

– Это не совсем так, – вмешалась я. – Он…

– Довольно! – перебил мистер Лафорш. – Мне наплевать, кто кого первый ударил. Драчунам здесь не место. Так что выметайтесь прочь. Брауни, слышал меня? Убирайся со своей бандой, пока я не посадил вас всех под замок.

Улыбаясь во весь рот, Тёрнер Брауни в сопровождении своей свиты прошествовал к дверям. Я намочила салфетку и осторожно промокнула раненую губу.

– Прости, – сказал он. – Я вышел из себя.

– Не надо было связываться. Он же такой здоровенный.

– Наплевать! – отрезал Пол. – Я не позволю, чтобы он говорил гадости о тебе.

Я только вздохнула, глядя на его алеющую и рас пухшую щеку. Все ведь шло так замечательно! Почему всегда найдется мерзавец, который все испортит?

– Идем, – сказала я.

– Мы можем еще потанцевать.

– Где уж там! Надо позаботиться о твоих синяках и ушибах. Бабушка Кэтрин наверняка знает средство, которое поможет.

– Она рассердится, узнав, что я ввязался в драку, когда ты была рядом, – предположил Пол. – Чертов Брауни!

– Она не рассердится, – пообещала я. – Наоборот, будет гордиться, что ты встал на мою защиту.

– Думаешь?

– Правда! – заверила я, хотя и не могла себе представить бабушкину реакцию. – А вот твои родители вряд ли будут в восторге. Поэтому с лицом надо что-то сделать.

Пол кивнул и рассмеялся:

– Я выгляжу ужасно, да?

– Как человек, которому удалось выбраться из пасти аллигатора, – улыбнулась я.

Мы расхохотались и вышли прочь. Тёрнера Брауни и его приятелей уже и след простыл. Наверное, лакали где-нибудь пиво и задирали друг друга. Так что все было не так уж плохо. Дождь разошелся вовсю, и Пол постарался подъехать как можно ближе к дому. Прячась под зонтиком, мы поднялись на галерею. Бабушка Кэтрин, сидевшая за шитьем, подняла голову и понимающе кивнула.

– Это все виноват Тёрнер Брауни, бабушка, – начала я. – Он первый…

Бабушка вскинула руку, давая понять, что объяснения излишни. Не говоря ни слова, она направилась к шкафу, где держала свои снадобья. Казалось, она ожидала чего-то в этом роде. Это было так странно, что Пол лишился дара речи.

– Садись! – скомандовала бабушка, указывая ему на стул. – Сначала посмотрим, чем можно тебе помочь. А потом уж расскажете мне, что случилось, – обернулась она ко мне.

Пол уставился на меня широко открытыми глазами и опустился на стул; бабушка принялась творить очередное свое чудо.

4. Прошлое наносит удар

– На, держи. – Бабушка протянула Полу две салфетки, смоченные травяными настоями. – Одну прижми к щеке, другую – к губе.

Пол повиновался. Суставы пальцев на правой его руке посинели и распухли.

– Бабушка, посмотри на его руку! – воскликнула я.

– Ничего страшного, – мужественно улыбнулся Пол. – Просто, когда я катался по полу…

– Катался по полу? – перебила бабушка. – Во время файс-додо, я правильно понимаю?

Пол покачал головой и попытался объяснить:

– Мы ели гумбо, и тут…

– Прижимай покрепче! – прервала бабушка.

С салфеткой, прижатой к губе, Пол не мог говорить, и в объяснения пустилась я:

– Это все Тёрнер Брауни. Он выделывался перед приятелями и наговорил нам кучу гадостей.

– Каких именно? – уточнила бабушка.

– Ну, ты разве не знаешь, что говорят? Всякие обидные вещи.

Несколько мгновений бабушка буравила меня взглядом, потом перевела глаза на Пола. Было невозможно что-нибудь скрыть от нее. Любого человека она видела насквозь, проникая в самые тайные его помыслы.

– Он говорил о твоей матери?

Я потупила голову, что было равнозначно утвердительному ответу. Бабушка тяжело вздохнула, прижав руку к сердцу:

– Да, такие люди никогда не переведутся. Они цепляются к чужим несчастьям, как мох к гнилому дереву.

Я посмотрела на Пола. Судя по расстроенному лицу, на душе у него кошки скребли. Наверняка он переживал, что не сдержался. Пол попытался было отнять от губы салфетку и начать извиняться, но я удержала его руку. Пол улыбнулся глазами – губ его я не видела.

– Держи примочку, – велела я.

Бабушка посмотрела на нас. Я улыбнулась, не отнимая своей руки от руки Пола.

– Он показал себя настоящим храбрецом, бабушка! – заявила я. – Ты же знаешь, какой здоровенный этот Тёрнер Брауни. Но Пол его не побоялся.

– И получил хорошую трепку, – усмехнулась бабушка. – Твой дедушка Джек был таким же храбрецом. Да и сейчас забияка. Плати он мне по пенни всякий раз, когда мне приходилось лечить его синяки и ссадины, у меня скопилось бы целое состояние. То с подбитым глазом явится домой, то с разорванным ухом. Другой бы поостерегся в следующий раз лезть в драку, но твоему дедушке уроки впрок не идут. Видно, когда Бог раздавал здравый смысл, на всех не хватило.

Дождь, вовсю барабанивший по оловянной крыше дома, затих, и теперь до нас доносился лишь редкий стук капель. Ветер тоже улегся. Бабушка открыла ставни, чтобы впустить в дом свежий воздух, и сделала глубокий вдох.

– После дождя в бухте так приятно пахнет, – сказала она. – Все пропитано свежестью и чистотой. Только людские души дождь не может очистить, – добавила она со вздохом.

Мне казалось, никогда прежде ее голос не звучал так устало и глухо. В темных глазах таилась печаль. Я не знала, что сказать, чем помочь ей. Бабуш ка вновь вздохнула и обхватила себя за плечи.

– Ты хорошо себя чувствуешь, бабушка? – подала голос я.

– Что? О да, конечно. Дай-ка посмотрю, что там с твоими боевыми ранами, – подошла она к Полу.

Пол отнял салфетки от губы и щеки, и мы с бабушкой принялись его рассматривать. Опухоль немного спала, но щека оставалась багровой, на нижней губе темнела ссадина.

Бабушка покачала головой, подошла к холодильнику, достала кусочек льда и завернула в салфетку.

– Прижми к щеке и держи, пока не станет слишком уж холодно, – распорядилась она. – Тогда прижми к губе. Потом опять к щеке, и так – пока лед не растает. Понял?

– Да, мэм, – кивнул Пол. – Я вам очень благодарен. И мне ужасно жаль, что все так вышло. Не надо было обращать внимания на этого Брауни.

На несколько мгновений взгляд бабушки Кэтрин, устремленный на Пола, стал жестким и пронзительным, потом смягчился.

– Если не обращать внимания на зло, оно завладеет миром, – заметила она. – Это, конечно, не значит, что надо без конца лезть в драки. Кулаки ничего не решают.

– Драться я больше не буду, – пообещал Пол.

Бабушка недоверчиво хмыкнула:

– Жаль, что мой благоверный не платил мне пен ни всякий раз, когда давал подобное обещание.

– Я привык держать обещания, – с достоинством возразил Пол.

Бабушка наконец улыбнулась:

– Посмотрим.

– Я пойду. – Пол поднялся. – Еще раз спасибо, миссис Лэндри.

Бабушка Кэтрин молча кивнула.

– Я провожу тебя до машины, – сказала я.

Выйдя на галерею, мы увидели, что дождь почти кончился. Небо по-прежнему было затянуто тучами, но машина Пола была хорошо видна в свете лампочки, висевшей на галерее. Пол, все еще прижимавший к щеке лед, свободной рукой сжал мою руку. Мы вместе спустились по ступенькам.

– Я чувствую себя последним кретином, – вздохнул он. – Надо же испортить такой прекрасный вечер!

– Ты тут ни при чем, – возразила я. – Всему виной Тёрнер Брауни. К тому же мы успели славно потанцевать.

– Здорово было, правда?

– Знаешь, это ведь мое первое настоящее свидание, – едва слышно произнесла я.

– Правда? А я думал, парни толпятся у твоих дверей и до меня ты вряд ли снизойдешь, – признался Пол. – Ты не представляешь, как долго я не решался подойти к тебе после школы с предложением проводить. Драка с Тёрнером Брауни – ерунда по сравнению с этим.

– Я знаю. У тебя тогда дрожали губы. Это было так мило.

– Правда? Если тебе это нравится, я останусь самым застенчивым из молодых людей, которых ты когда-либо видела.

– Надеюсь, застенчивость и сейчас, и потом не помешает тебе поцеловать меня!

Пол улыбнулся и тут же поморщился от боли в разбитой губе.

– Бедный мой, бедный, – прошептала я и нежно коснулась губами его ссадины.

Он блаженно зажмурил глаза:

– Вот самое лучшее на свете лекарство. Даже сна добья твоей бабушки с ним не сравнятся. Придется мне приходить сюда каждый день, чтобы ты меня вылечила.

– Тебе придется за это заплатить, – предупредила я.

– Чем же?

– Любовью. До гробовой доски.

– Моя любовь будет с тобой всегда, – прошептал он.

И, не обращая внимания на боль, прижался губами к моим губам.

– Удивительное дело, – сказал Пол, когда поцелуй наш наконец прервался. – Несмотря на все, на синяки, разбитую губу, я на седьмом небе от счастья. Спокойной ночи, Руби.

– Спокойной ночи. Не забывай прикладывать лед, как велела бабушка.

– Не забуду. Еще раз передай ей благодарность. Завтра увидимся.

Пол открыл дверь машины, скользнул внутрь, включил зажигание, помахал мне рукой и устремился в непроглядную тьму. Я смотрела ему вслед, пока габаритные огни машины не растаяли в сумраке. Повернувшись, чтобы идти к дому, я заметила, что на галерее стоит бабушка Кэтрин. Интересно, давно она здесь? Наблюдала за нами?

– Бабушка, ты почему здесь? – спросила я, поднявшись на галерею.

Бабушка выглядела бледной и усталой, а выражение ее лица было таким мрачным, словно она толь ко что воочию увидала одного из тех злых духов, с которыми воевала всю жизнь. Я встретила ее пронзительный взгляд, и мне стало не по себе.

– Идем в дом. Мне надо кое-что тебе рассказать. Наверное, следовало сделать это раньше.

У меня затряслись поджилки. Только что я таяла от наслаждения, целуя Пола, а теперь на меня навалилась свинцовая тяжесть. Никогда прежде я не видела бабушку Кэтрин такой расстроенной и унылой. Какая скрытая печаль ее томила? Что за тайну она собиралась мне поведать? Войдя в комнату, она опустилась на стул и, словно позабыв обо мне, вперила взгляд в пространство. Я изнемогала от нетерпения. Ладони мои увлажнились, сердце стучало как бешеное.

– Твоя мать всегда была безрассудной, – начала она. – Может, в ней говорила кровь Лэндри. Может, дело в том, что она выросла на болотах, посреди дикой природы. Здесь она никогда ничего не боялась, не то что ее ровесницы. Брала змееныша в руки с такой же легкостью, с какой другие девчонки срывают маргаритку. Дедушка Джек с ранних лет таскал ее с собой на охоту и рыбалку. Она научилась управлять пирогой, как только смогла удержать в руках шест. Этой девочке лучше было бы родиться мальчишкой, думала я. Но когда она выросла, стало ясно, что она – женщина с головы до пят. Наверное, в этом и заключалась ее главная беда. Я и глазом моргнуть не успела, как дочка моя стала взрослой, – продолжала бабушка, не сводя с меня печальных глаз. – Расцвела раньше положенного времени. Стала настоящей красавицей – огромные темные глаза, пышные волнистые волосы, такие же густые, как у тебя, и такие же рыжие. Перед ней никто не мог устоять – ни взрослые мужчины, ни юнцы. Мне казалось, даже птицы и звери на болоте очарованы ею. Иногда я замечала, как она идет по берегу канала, а вслед летит хищная птица – болотный линь, словно не может вдоволь ею налюбоваться.

Отдаваясь во власть воспоминаний, бабушка невольно улыбнулась.

– Твоя мать была так красива и невинна, так хотела все увидеть, узнать и попробовать. Неудивительно, что она оказалась легкой добычей для тех, кто был старше и хитрее. Они внушили ей, что нет ничего слаще запретного плода. Когда ей исполнилось шестнадцать, она уже пользовалась бешеным успехом. Все окрестные парни мечтали о встречах с ней. Были готовы на все, лишь бы завоевать хоть малую толику ее внимания. В ад бы пошли ради ее улыбки, смеха, приветливого словечка, которое можно было истолковать как обещание. Ну а она вертела ими как хотела. У нее вошло в привычку заставлять поклонников выполнять за нее домашнюю работу. Эти бедолаги в очередь выстраивались, чтобы помочь дедушке Джеку, который смотрел на них как на своих рабов. Вместо того чтобы помогать собственным отцам, они пахали на отца Габриеллы, надеясь тем самым заслужить ее расположение. Я говорила твоему деду, что до добра это не доведет, но он, как всегда, пропустил мои слова мимо ушей. Как-то вечером, месяцев семь спустя после шестнадцатого дня рождения Габ-

риеллы, она пришла ко мне вот в эту самую комнату. Она сидела там, где сейчас сидишь ты. Стоило мне взглянуть на нее, я все поняла, прежде чем она успела произнести хоть слово. Душа ее была для меня как открытая книга. Сердце у меня упало. «Мама, – сказала она, и голос ее задрожал, – кажется, я беременна».

Что я могла на это ответить? Случилось то, что должно было случиться. Тайные мои страхи стали явью. Ты знаешь, мы, католики, считаем убийство неродившегося ребенка величайшим грехом и не при знаем абортов. Я спросила у Габриеллы, кто отец. Она только покачала головой и убежала. Когда дедушка Джек вернулся домой, я рассказала ему о нашем горе. Он взбесился. Набросился на нее с кулаками и, наверное, забил бы до смерти, не успей я вмешаться. Так или иначе, он выбил из нее имя отца ребенка, – многозначительно произнесла бабушка и подняла на меня глаза.

Мне показалось, я слышу раскаты грома. А может, это кровь оглушительно стучала у меня в висках?

– И кто же он, бабушка? – с усилием выдавила я.

– Октавиус Тейт соблазнил ее.

Очередной удар грома сотряс до основания не только наш дом, но и весь мой мир. Я ощутила, как с грохотом рухнули хрупкие стены моей души. Слова застревали в глотке, и я не могла задать вопрос, сидевший в моем сердце как заноза.

Бабушка продолжила:

– Твой дедушка Джек бросился к нему. Октавиус тогда год как женился. Был еще жив его отец. Дедушка Джек в ту пору был таким же сумасшедшим игроком, как и ныне. Не мог пройти мимо компании, играющей в бурре, хотя удача его вовсе не баловала. Как-то раз проиграл ботинки и явился домой босиком. В другой раз проиграл золотой зуб, и ему вытащили его клещами. Но это ж известно: таким олухам, как твой дедушка, уроки судьбы впрок не идут. Тем не менее они с Тейтами договорились замять дело. Тейты обещали заплатить, чтобы дед не поднимал шума. А еще они решили, что в свое время Октавиус возьмет новорожденного в свой дом и воспитает как законного. Люди будут думать, что ребенка родила его жена. Что он там сказал Глэдис и как вынудил ее согласиться, мы никогда не узнаем. Да мне, честно говоря, и не хочется это знать. Так или иначе, жена Тейта притворилась беременной. А твоей матери удалось скрыть, что она в положении. С седьмого месяца она не выходила из дому. К счастью, наступило лето, не нужно было ходить в школу. Всем знакомым мы говорили, что она гостит у родственников в Иберии. Ребенок, здоровый крепкий мальчик, родился в положенный срок. Мы отдали его Октавиусу Тейту, как договорились. Дедушка Джек получил деньги и за неделю спустил их в карты. Но тайна осталась тайной. Но теперь настало время раскрыть ее тебе, – понурив голову, произнесла бабушка Кэтрин. – Я надеялась, что этого удастся избежать. Мне не хотелось, чтобы ты думала плохо о своей покойной матери, а значит, и о самой себе. Но так случилось, что вы с Полом… стали больше чем друзьями, – вздохнула бабушка. – Когда я увидела, как вы целуетесь у машины, то поняла: ты должна узнать правду.

– Мы с Полом – брат и сестра? – спросила я дрожащим голосом.

Бабушка кивнула.

– Наверное, он ничего об этом не знает?

– Понятия не имею, что происходит в семействе Тейт, – пожала плечами бабушка Кэтрин.

Я закрыла лицо руками. Слезы, закипавшие в глазах, казалось, стекали не наружу, а внутрь, и внутри все словно заледенело. Тихонько поскуливая, я раскачивалась из стороны в сторону.

– Господи, как ужасно! – стонала я сквозь зубы.

– Руби, милая, я не хотела причинять тебе боль, – донесся до меня голос бабушки. – Но ты ведь сама понимаешь, молчать дальше было невозможно.

Я сознавала, как мучительно далось ей это признание, как тяжело ей было разрушать мои мечты и надежды.

– Тебе придется от него отказаться, девочка моя, – продолжала бабушка. – Но не ты должна открыть ему правду. Это дело его отца.

– Это его убьет, – всхлипывала я, тряся головой. – Разобьет ему сердце, как и мне.

– Поэтому и не надо ничего говорить, – посоветовала бабушка. – Просто положи вашим отношениям конец.

– Но как, бабушка? Мы любим друг друга. Пол такой добрый, такой милый…

– Если хочешь ему добра, сделай вид, что он тебе больше не нравится. Прогони прочь. Он встретит другую девушку и утешится. Парень он видный, так что за этим дело не станет. К тому же, если вы не расстанетесь, родители изведут его угрозами и упреками, и в результате ты разлучишь его с семьей.

– Его отец – настоящее чудовище. Как он мог, едва женившись… встречаться с мамой? – спросила я, чувствуя, как гнев на мгновение пересилил грусть, затопившую мою душу.

– Я его не оправдываю, – покачала головой бабушка. – Он был взрослым мужчиной, а Габриелла – всего лишь чувствительной девчонкой. Но она была так красива, что всех сводила с ума. Думаю, злой дух давно бродил вокруг Октавиуса Тейта, нашел в его сердце лазейку и заставил соблазнить твою мать.

– Если Пол об этом узнает, он возненавидит отца! – выпалила я.

Бабушка кивнула.

– А ты этого хочешь, Руби? – тихо спросила она. – Хочешь зажечь в его сердце огонь ненависти? И как Пол будет относиться к женщине, которую до сих пор считал матерью? Хочешь, чтобы и ее он возненавидел?

– Нет, нет, бабушка! – выкрикнула я, сорвалась с места и зарылась лицом в ее колени.

Она погладила меня по волосам:

– Успокойся, моя маленькая, успокойся. Поверь, со временем боль утихнет и все забудется. Перед тобой – вся жизнь, тебя ждет много радостей. Ты непременно станешь знаменитой художницей, люди будут тобой восхищаться.

Бабушка мягко взяла меня за подбородок и заставила поднять голову.

– Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты отсюда уехала? – спросила она, глядя мне в глаза.

Слезы хлынули у меня горячим потоком.

– Понимаю, – всхлипнула я. – Но я ни за что не расстанусь с тобой, бабушка.

– Настанет день, когда нам придется расстаться. Это в порядке вещей. Когда это произойдет, не терзайся сомнениями. Делай то, что должна делать, и не думай обо мне. Обещай, что уедешь. Обещай!

Она смотрела на меня с тревогой.

– Обещаю, – ответила я.

– Вот и славно, – заключила бабушка Кэтрин. – Вот и хорошо.

Она откинулась на спинку кресла. Казалось, что за несколько минут она постарела на несколько лет. Я размазала по щекам слезы и поднялась на ноги:

– Тебе принести что-нибудь, бабушка? Может, стакан лимонада?

– Лучше стакан холодной воды, – улыбнулась она и погладила меня по руке. – Прости, моя девочка.

Судорожно сглотнув, я поцеловала бабушку Кэтрин в щеку:

– Ты ни в чем не виновата. Тебе не за что просить у меня прощения.

Бабушка молча улыбнулась. Я принесла воды, и она выпила ее с явным усилием. Осушив стакан, бабушка поднялась с кресла:

– Что-то я очень устала, Руби. Пойду спать.

– Конечно, бабушка. Я тоже скоро лягу.

Когда бабушка ушла, я бросилась на галерею и вперила взгляд в темноту, в то место, где мы с Полом поцеловались на прощание. Тогда никто из нас не знал, что это наш последний поцелуй. Я больше никогда не услышу, как его сердце бьется рядом с моим, никогда не задрожу, ощущая его прикосновения. Закрыв дверь, я побрела в свою комнату. В душе у меня зияла пустота. Словно кто-то, кого я любила всем сердцем, внезапно умер. Впрочем, так оно и было. Я навсегда потеряла Пола Тейта, которого знала и любила прежде. Той Руби Лэндри, которую любил Пол, тоже более не существовало. Грех, некогда даровавший жизнь Полу, теперь уничтожил нашу любовь. Я начала страшиться будущего, тех дней, что ждали меня впереди.

Ночью я плохо спала: вертелась, металась, часто просыпалась. Всякий раз, выныривая из забытья, я ощущала томительную тяжесть на сердце и вспоминала о ее причине. Мне отчаянно хотелось, чтобы все случившееся оказалось лишь страшным сном, кошмаром. Но темные печальные глаза бабушки Кэтрин были реальностью. Взгляд ее преследовал меня даже во сне, напоминая об открывшейся тайне.

Не сомневаюсь: хотя бабушка Кэтрин выглядела вечером утомленной до крайности, спала она ничуть не лучше, чем я. Впервые за всю жизнь она поднялась лишь за несколько минут до меня. Услышав за дверью ее шаркающие шаги, я выглянула и увидела, как она спускается в кухню.

Я поспешила вниз помочь ей готовить завтрак. Дождь прекратился, но серые тучи, сплошь затянувшие небо Луизианы, делали утро хмурым и безрадостным, что вполне отвечало моему настроению. Птицы, судя по всему, тоже пребывали в унынии, в утреннем их чириканье слышались грустные нотки. Казалось, все в бухте сожалеет о нас с Полом, о гибели нашей любви.

– Плох тот знахарь, который не может исцелить самого себя, – ворчала бабушка. – Опять артрит обострился. Все суставы ноют, а от мазей и притираний толку нет.

Надо сказать, сетовать на здоровье бабушка Кэтрин позволяла себе чрезвычайно редко. Я не раз становилась свидетельницей того, как она отправлялась в путь по первому зову и проходила несколько миль под проливным дождем, не проронив ни слова жалобы. Ее собственные немощи и недуги казались ей сущим пустяком по сравнению с болезнями и несчастьями других людей. Она часто повторяла: «Не бросай свою ношу, если на пути – гора». Смысл этой каджунской пословицы можно выразить двумя словами: «Не сдавайся».

«Никому неведомы пределы собственных сил, – говорила бабушка. – Кажется, они на исходе, и тут открывается второе дыхание». Слова ее глубоко запали мне в душу, хотя учила она меня жизни не только и не столько посредством наставлений, сколько собственным примером. И я понимала – только очень сильная боль могла вынудить бабушку Кэтрин пожаловаться в это утро.

– Бабушка, может, не будем торговать? – предложила я. – Деньги у нас есть – те, что я получила за картины и…

– Нет, – отрезала бабушка. – Работа – лучшее лекарство. Сейчас в бухте полно туристов, нельзя бездельничать. Знаешь сама, сезон здесь короткий, и свободных дней у нас будет еще слишком много. Так что насидеться без денег успеем.

Почему бы дедушке Джеку не дать нам денег? Вопрос этот вертелся у меня в голове, но задать его вслух я не решилась, так как знала – это только рас сердит бабушку. И все же, думала я, почему мы позволяем дедушке пускать все его деньги на ветер? Каджунский мужчина должен нести ответственность за свою семью, даже если между ним и его же ной

пробежала черная кошка. Пожалуй, решила я, мне стоит как-нибудь навестить дедушку и напомнить ему об этом.

Сразу после завтрака я, как всегда по выходным, принялась раскладывать товары на прилавке у дома. Бабушка тем временем готовила гумбо. Было видно, что каждое движение дается ей с трудом, при малейшей возможности она присаживалась на стул. Я с тревогой поглядывала в ее сторону и про себя горячо молилась, чтобы сегодня пошел дождь и избавил бы нас от необходимости весь день стоять у прилавка. Но молитвы мои не были услышаны. Дождя не было, зато начали появляться туристы.

Около одиннадцати я услышала треск мопеда, и вскоре на дороге появился Пол. Мы с бабушкой обменялись многозначительными быстрыми взглядами, но не сказали друг другу ни слова. Прислонив мопед к дереву, Пол подбежал к нам.

– Здравствуйте, миссис Лэндри! – приветствовал он бабушку. – Ваше лечение здорово помогло. Щека выглядит нормально, и губа почти не болит.

И в самом деле, опухоль спала, на месте багрового синяка осталось едва заметное розовое пятно.

– Огромное спасибо!

– Не стоит благодарностей, – улыбнулась бабушка. – Помни, ты обещал больше не ввязываться в драки.

– Помню! – Пол повернулся ко мне. – Привет.

– Привет, – пробормотала я, зачем-то развернула одеяло на прилавке и свернула вновь. – Почему ты сегодня не на заводе? – спросила я, избегая смотреть ему в лицо.

Он подошел ко мне поближе и сказал вполголоса, так, чтобы бабушка не услышала:

– Мы с отцом вчера разругались в пух и прах. Я сказал, что больше не буду на него работать. А он запретил мне брать машину. Снимет запрет, если только я…

– Прекратишь встречаться со мной, – подсказала я и подняла наконец глаза на Пола.

Взгляд его подтвердил мою правоту.

– Мне плевать на его запреты, – заявил Пол. – И без машины я прекрасно обойдусь. Мопед он не отнимет, я его купил на собственные деньги. Так что я по-прежнему смогу приезжать к тебе, а все остальное не имеет значения.

– Пол, все не так просто, – возразила я. – Я не могу допустить, чтобы ты рассорился с родителями из-за меня. Потом – может, месяцы или годы спустя – ты горько об этом пожалеешь.

Даже я сама услышала новые холодные нотки, прозвучавшие в моем голосе. Сердце мое болезненно сжалось. Иначе нельзя, жестко сказала я себе. Наши отношения обречены. Значит, надо их прекратить.

– Руби, о чем ты? – улыбнулся он. – Ты знаешь, все, чего я хочу, – быть с тобой. И моим родителям придется с этим смириться. А если нет, им же хуже. Слишком высоко они задирают нос…

– Ничего они не задирают, – перебила я.

Он недоуменно уставился на меня.

– Они просто хотят тебе добра.

– Руби, мы уже говорили об этом. Ты – лучшее для меня.

Я поспешно отвернулась. Слова, которые мне предстояло произнести, застряли бы в глотке, если б я видела его глаза. Покупателей не было, я отошла от прилавка. Пол следовал за мной послушно и бесшумно, как тень. Я опустилась на скамейку под кипарисом и устремила взгляд в сторону болот.

– В чем дело? – спросил Пол дрожащим голосом.

– Я хорошенько обо всем подумала. И не уверена, что лучшее для меня – ты.

– Что?

Старая болотная сова, сидя на ветке сикамора, смотрела на нас так пристально, словно понимала, что между нами происходит тягостное объяснение.

– Вчера, после того как ты уехал, я долго размышляла. Думала о будущем. Конечно, в наших краях полно девушек моего возраста или чуть старше, которые уже вышли замуж. Но знаешь, не могу сказать, что предел всех моих мечтаний – семейная жизнь, пусть даже и счастливая. Я хочу большего. Хочу стать художницей.

– Так и я хочу, чтобы ты стала художницей! – воскликнул Пол. – Никогда не буду останавливать тебя! И сделаю все, чтобы тебе помочь!

– Художник, настоящий художник, должен иметь богатый жизненный опыт. Должен путешествовать, встречаться с разными людьми, познавать мир.

Я наконец-то нашла в себе силы взглянуть на Пола. Он показался мне совсем маленьким, будто мои слова заставили его сжаться.

– Что такое ты говоришь? – пробормотал он.

– Мы не должны относиться к этому настолько серьезно, – выдавила я.

– Но мне казалось… – Он покачал головой. – Это все из-за того, что вчера я ужасно глупо вел себя, да? Твоя бабушка полностью разочаровалась во мне? Решила, что я тебе не пара?

– Бабушка тут совершенно ни при чем. Просто прошлой ночью мне не спалось, и у меня было время подумать. Вот и все.

– Это я во всем виноват, – упорно твердил Пол.

– Ни в чем ты не виноват. И вообще никто тут не виноват, – добавила я, вспомнив бабушкины слова. – Просто жизнь складывается так, что нам не удастся быть вместе.

– И что же мне теперь делать? – растерянно спросил он.

– То же самое, что собираюсь делать я… Путешествовать, познавать мир… встречаться с людьми.

– Ничего не понимаю! – чуть не плача, воскликнул он. – Вчера ты была одна, сегодня – совсем другая! Может, ты успела познакомиться с другим парнем?

– Нет у меня никакого другого парня…

– Есть! – выпалил Пол.

Печаль его стремительно уступала место гневу. В глазах, недавно светившихся нежностью, теперь полыхала ярость. На щеках зарделись пятна, словно вчерашние синяки проступили вновь, губы побелели. Казалось, он взорвется изнутри. Я ненавидела себя за то, что сделала это с ним. У меня оставалось только одно желание – провалиться сквозь землю, исчезнуть.

– Отец говорил мне, что только последний дурак может доверять девушке, которая…

– Происходит из семьи Лэндри, – с горечью подсказала я.

– Да. Именно так. Яблоко от яблони недалеко падает – так он сказал.

Я понурила голову. Мысли об отце Пола, который позабавился с моей матерью и бросил ее, о дедушке Джеке, который думал о деньгах больше, чем о собственной дочери, терзали мне сердце.

– Твой отец совершенно прав! – процедила я.

– Я тебе не верю, слышишь! – заорал Пол.

По щекам у него текли слезы боли и гнева, они отравили его мысли обо мне. Мне отчаянно хотелось броситься в его объятия. Сказать, что я глупо пошутила. Повернуть все вспять. Но я чувствовала, что реальному положению дел противиться бессмысленно.

– Не художницей ты хочешь быть, а потаскухой! – донеслось до меня.

– Пол!

– Да, потаскухой. Давай, встречайся с разными людьми, теми, что тебе по вкусу. Ладно, мне наплевать. Дурак я был, что связался с Лэндри! – выпалил он, повернулся и бросился прочь. Влажная трава хлюпала под подошвами его ботинок.

Я сидела, сжавшись на скамейке в комок. В том месте, где только что билось сердце, теперь зияла пустота. Плакать я не могла – все внутри у меня точно окаменело. Послышался треск мотора – Пол вскочил на свой мопед, – этот звук отдался во всем моем теле. Старая болотная сова расправила крылья и начала переступать лапами по ветке, но не улетела. Она наблюдала за мной, и в круглых ее глазах светился упрек.

После ухода Пола я поднялась со скамьи, на трясущихся ногах побрела к прилавку, около которого уже столпились туристы. Это были молодые мужчины и женщины, шумные и веселые. Мужчины пришли в восторг при виде заспиртованных ящериц и змей, купили четыре банки. Женщины заинтересовались домотканым полотенцами и платочками. После того как они сделали покупки и погрузили их в машину, какой-то мужчина подошел к нам с фотоаппаратом в руках.

– Не возражаете, если я вас сфотографирую? Каждой из вас я дам за это по доллару.

– Это совершенно излишне, – ответила бабушка.

– Почему это? – вмешалась я. – Пусть дает.

Бабушка Кэтрин удивленно вскинула бровь.

– Отлично! – Молодой человек вытащил из кармана два доллара.

Я проворно их схватила.

– Улыбнитесь, пожалуйста! – попросил он.

Я послушно растянула губы в улыбке. Он пару раз щелкнул фотоаппаратом, поблагодарил нас и пошел к машине.

– Руби, зачем ты взяла у него деньги? – недовольно спросила бабушка. – Раньше мы позволяли туристам фотографировать нас бесплатно.

– То было раньше, бабушка. А теперь я поняла, что мир этот – несправедливый и безжалостный. И буду делать все, чтобы защитить нас от его жестокости.

Бабушка задумчиво посмотрела на меня:

– Я рада, что ты повзрослела, Руби. Но не хочу, чтобы при этом ты превратилась в человека с каменным сердцем.

– С каменным сердцем проще жить, бабушка. Камень, по крайней мере, трудно разбить. Я не хочу прийти к тому же финалу, что и мама. Не хочу жить, как она.

Я разразилась слезами, чувствуя, что защитная броня, которой я попыталась оградить свою душу, мгновенно рассыпалась в пыль.

– Что ты сказала молодому Тейту? – спросила бабушка. – Он промчался мимо меня как ошпаренный.

– Сделала все, как ты велела, – пробормотала я сквозь слезы. – Правду говорить не стала. Сказала только, что видеть его больше не хочу. Теперь он меня ненавидит.

– Руби, бедная моя девочка.

– Теперь он меня ненавидит! – выпалила я и бросилась прочь.

– Руби! – долетел до меня голос бабушки.

Но я даже не обернулась. Ноги сами несли меня все дальше и дальше. Колючие ежевичные кусты цеплялись за платье, царапали руки и ноги. Но я не замечала боли, не видела грязных луж, которые то и дело попадались на моем пути. Наконец я выбилась из сил; ноги подгибались, в боку закололо. Лишь тогда я замедлила бег и побрела вдоль берега канала. Слезы застилали мне глаза, и я не могла остановить их. Я шла и шла, не глядя на кучи сухой травы, служившие домом ондатрам и нутриям, машинально обходя заводи, в которых плавали маленькие зеленые змейки. Лишь почувствовав, что вот-вот упаду от усталости, я остановилась перевести дух.

Взгляд мой устремился к рощице сикаморов[6] впереди. Все расплывалось перед моим затуманенным слезами взором, но постепенно очертания предметов стали более четкими, и я увидела болотного оленя, с любопытством глядевшего на меня. Он был большой, красивый, стоял неподвижно, как изваяние, и не спускал с меня огромных грустных глаз.

Внезапно раздался оглушительный грохот – я узнала звук выстрела крупнокалиберной винтовки. Олень рухнул на землю. Несколько мгновений он отчаянно бился, пытаясь встать на ноги, но кровь хлестала из раны на шее все сильнее и сильнее. Несчастное животное затихло, и до меня донеслись ликующие голоса охотников. Вскоре из-за сплошной завесы испанского мха показалась пирога, управляемая дедушкой Джеком. На корме сидели двое незнакомых мужчин. Я догадалась, что он предложил свои услуги туристам-охотникам и помог им найти добычу. Пирога направлялась прямиком к оленю. Один турист отхлебнул из бутылки виски и передал своему товарищу, чтобы тот тоже отпраздновал это убийство. Дедушка Джек перестал грести и уставился на бутылку жадными глазами. Наконец ему тоже дали отхлебнуть.

По собственным следам я поплелась домой. Наши болота – чудесный мир, поражающий своей красотой. Обитатели этого мира живут захватывающей, полной загадок и тайн жизнью. Здесь столько удивительных растений, странных звуков, которые сливаются в чарующую симфонию природы. Каждый ведет собственную партию: птицы распевают песни, лягушки вторят им кваканьем, крокодилы аккомпанируют, ударяя хвостами по воде. Но в этом мире таятся также смерть и опасность, он кишмя кишит ядовитыми змеями и пауками, бывает жесток и коварен. Достаточно одного неосторожного шага, и неумолимая болотная трясина засосет тебя, утащит в свои жуткие глубины. Человек приходит сюда кичиться своей властью над природой. В этом мире сильный торжествует над слабым.

«Как и везде на земле», – подумалось мне сегодня с горечью.

К тому времени, как я добрела до дома, начался дождь. Бабушка торопливо собирала с прилавка наше рукоделие. Я бросилась помогать ей. Дождь при пустил сильнее, так что времени на разговоры не было. Наконец прилавок опустел. Мы с бабушкой вытерли полотенцами мокрые волосы и лица. Дождевые струи барабанили по жестяной крыше, за окнами завывал ветер. Мы обошли весь дом и опустили ставни.

– Настоящая буря! – воскликнула бабушка.

Ветер стонал и ревел, то ли гневаясь, то ли сожалея о чем-то. Порывы его вздымали целые тучи песка и пыли. Было так темно, словно неожиданно наступила ночь. Раскаты грома взрывали небо, молния рассекала пелену туч. Небеса разверзлись, испуская дождевые потоки. Стоявшие под крышей бочки для сбора дождевой воды переполнились, вода хлестала наружу. Капли дождя отскакивали от ступенек лестницы и мощеной дорожки, струи барабанили по жести с такой силой, будто хотели пробить ее насквозь. Казалось, что мы внутри огромного барабана.

Затих ливень так же внезапно, как начался. Вскоре он превратился в мелкую морось. Небо прояснилось, и через несколько мгновений солнечный луч, проникнув в зазор между тучами, залил теплом и светом наш дом.

Бабушка Кэтрин облегченно вздохнула и покачала головой.

– За всю жизнь я так и не привыкла к этим кошмарным грозам, – пробормотала она. – Когда была маленькой, от страха пряталась под кровать.

– Мне трудно представить, что ты когда-то была маленькой, бабушка, – призналась я.

---

[6] Названием «сикамор» в Америке обозначают несколько ботанических видов: различные представители рода платанов, а также клен белый. Не следует путать с сикомором – деревом из рода фикусовых, распространенным преимущественно в Африке и Передней Азии.

– И тем не менее это так, лапочка, – улыбнулась бабушка. – Напрасно ты думаешь, что я родилась старухой с больными костями, которые трещат при ходьбе.

Бабушка потянулась и потерла поясницу.

– Пожалуй, я бы выпила чая, – сказала она. – Хочется согреться. Составишь мне компанию?

– Конечно.

Мы пошли в кухню, бабушка поставила чайник на плиту.

– Дедушка Джек сегодня опять работал проводником, – сообщила я. – Я видела его на болоте с двумя охотниками. Они застрелили оленя.

Бабушка пожала плечами:

– По этой части он мастер. Богатые креолы часто его нанимают, когда хотят поохотиться, и никогда не уходят с болота с пустыми руками.

– Олень был такой красивый, – вздохнула я.

Бабушка кивнула.

– И ведь им вовсе не нужно мясо! – продолжала я. – Им нужен охотничий трофей.

Бабушка молча смотрела на меня.

– Так что ты сказала Полу? – спросила она наконец.

– Сказала, что нам не стоит быть вместе. Что нам рано думать о серьезных отношениях. Сказала, что не спешу замуж, потому что хочу стать художницей. Хочу путешествовать, встречаться с людьми. Но он мне не поверил. Обманщица из меня никакая.

– Это не такой уж серьезный недостаток.

– Нет, бабушка, очень серьезный, – горячо возразила я. – Весь мир стоит на лжи. И успеха в нем добиться может только тот, кто в совершенстве научился обманывать.

Бабушка печально покачала головой:

– Руби, девочка моя, я понимаю, сейчас тебе все представляется в черном цвете. Но помни, ненавидеть и презирать все вокруг – опасная привычка. Люди, которые кажутся тебе сильными и успешными, могут быть глубоко несчастны, потому что их души, отравленные ложью, не знают покоя. В конце концов они понимают, что темнота окружила их со всех сторон, и приходят в ужас.

– Бабушка, за свою жизнь ты видела столько зла, горя и болезней. Как тебе удалось не потерять надежду?

Бабушка улыбнулась и вздохнула:

– Печальная участь ожидает того, кто потерял надежду и позволил злу одержать над собой верх. Надо верить в лучшее, Руби. И сражаться за свою мечту. Я знаю, что творится сейчас у тебя на душе, как тяжело этому бедному мальчику, Полу. Но ваше горе похоже на неожиданную бурю. Она быстро налетела и быстро затихнет, и из-за туч снова покажется солнце.

Бабушка подошла ко мне, села рядом и погладила по волосам.

– Я всегда мечтала, что у тебя будет пышная, красивая свадьба, – призналась она. – Как в старом предании о пауках. Помнишь? Якобы какой-то богатый креол к свадьбе своей дочери выписал из Франции несколько сотен пауков. Они оплели паутиной дубы и сосны вокруг лужайки, где были расставлены столы. Эту паутину обрызгали жидким серебром и золотом. Вечером, когда зажгли свечи, казалось, что весь мир вокруг новобрачных сверкает и переливается, обещая им жизнь, полную любви, радости и света. Когда-нибудь ты тоже встретишь красивого мужчину, которого полюбишь всем сердцем, – пообещала бабушка. – И звезды на небе будут любоваться вашей свадьбой.

Бабушка поцеловала меня в щеку, а я сжала ее в объятиях и уткнулась носом в мягкое плечо. Слезы вновь хлынули из моих глаз. Бабушка тихонько поглаживала меня по голове.

– Плачь, плачь, моя девочка, – приговаривала она. – Слезы высохнут быстро, как роса на солнце.

– Нет, бабушка, – всхлипнула я. – Наверное, я уже никогда не буду счастливой.

– Вот еще глупости, – возразила бабушка, взяла меня за подбородок и заглянула мне в лицо. Ее темные бездонные глаза, способные распознать сокрытое от всех прочих людей, казалось, смотрели вглубь моей души. – Помяни мои слова: ты будешь очень счастлива.

Засвистел чайник. Бабушка вытерла слезы с моих щек, снова поцеловала меня и разлила чай по чашкам.

Поздним вечером я сидела в своей комнате у окна, смотрела на прояснившееся небо и вспоминала бабушкины пророчества. Неужели она права и настанет день, когда звезды будут любоваться моей свадьбой? Когда я наконец легла, перед глазами у меня сверкала паутина, усеянная золотыми и серебряными каплями. Но внезапно это видение померкло, и я увидела лицо Пола, искаженное болью и обидой. И сразу же в памяти моей всплыла еще одна мучительная картина: истекающий кровью красавец-олень открыл рот в немом крике и бессильно бьется на земле.

5. Девочка на фотографии

Последняя неделя перед каникулами тянулась томительно долго. Ходить в школу стало для меня настоящей пыткой, потому что каждый день я неизбежно встречала там Пола. В первые дни после нашего злополучного объяснения он при встрече уничтожал меня своим взглядом. Я и представить себе не могла, что прекрасные голубые глаза, прежде смотревшие на меня с такой любовью, способны стать столь холодными, полными злобы и презрения. Как-то раз, столкнувшись с Полом в коридоре, я попыталась заговорить с ним.

– Пол, – робко начала я, – ты напрасно сердишься, я ведь только…

Он прошел мимо, словно я была пустым местом. Мне хотелось, чтобы Пол поверил: дело не в том, что я встречаюсь с другим парнем. Я чувствовала себя отвратительно, и сердце мое в последние дни перед каникулами превратилось в кусок свинца.

Говорят, что время – лучший лекарь, но мои душевные раны оно исцелять не спешило. Боль, которую я испытывала, ощущая на себе презрительный взгляд Пола, становилась все нестерпимее. Я едва сдерживала желание подбежать к нему и выложить всю правду. Тогда он поймет, что в действительности произошло. Но в памяти моей эхом звучали слова бабушки Кэтрин: «Неужели ты хочешь навсегда разлучить его с отцом и с женщиной, которую он до сих пор считал матерью?» Нет, этого я не хотела и потому глотала признания, рвавшиеся с губ. Пусть лучше ненавидит меня, чем родителей, думала я и продолжала топить свою правоту в океане тайно пролитых слез.

И зачем бабушка Кэтрин и дедушка Джек хранили наш семейный секрет так долго? Узнай я правду раньше, избежала бы ненужных терзаний. И чем я лучше их теперь, когда утаиваю правду от Пола? Но выбора у меня не было.

В довершение всех бед Пол влюбился в другую девчонку. Я давно знала, что Сюзетта Дейзи, моя одноклассница, от Пола без ума. Как ни странно, заметив, что Пол обратил внимание на Сюзетту, я испытала нечто вроде облегчения. Может, новое увлечение заставит его забыть о ненависти ко мне. Это к лучшему, внушала я себе, сидя в дальнем углу столовой и наблюдая, как они болтают, поедая свои завтраки. Пусть хотя бы он будет счастлив, вздыхала я, глядя, как они шагают по школьному коридору, взявшись за руки. Но ревность и гнев тоже, конечно, давали о себе знать, и, слушая их счастливый смех, я едва сдерживала слезы. Когда до меня дошел слух, что Пол подарил Сюзетте свое кольцо старшеклассника (она гордо носила его на золотой цепочке), я прорыдала всю ночь.

Девчонки, которые прежде завидовали мне как счастливой избраннице Пола, ныне злорадствовали. Как-то июньским днем Марианна Брастер в туалете для девочек прошипела мне в лицо:

– Надеюсь, теперь, когда Пол бросил тебя ради Сюзетты, ты перестанешь слишком много о себе воображать.

Все прочие девочки ехидно улыбались, ожидая моей реакции.

– Для меня новость, Марианна, что я слишком много о себе воображаю, – ответила я. – Но мне приятно, что, по твоему мнению, у меня есть для этого повод. Спасибо.

Марианна впала в ступор. Она беззвучно открывала рот, не зная, что сказать. Я уже собралась пройти мимо, когда она вновь обрела дар речи.

– Давай, упражняйся в остроумии, – ухмыльнулась она, сокрушенно покачав головой. – Что тебе остается, бедняжка? По правде говоря, никто в школе не мог понять, с чего ты вздумала задирать нос. Ты ничем не лучше других.

– А кто говорит, что я лучше, Марианна?

– Никто, ты ведь хуже, – дрожащим от злобы голосом заявила она. – Все знают, что мать нагуляла тебя неизвестно от кого.

Девчонки довольно захихикали. Марианна, ободренная всеобщей поддержкой, распалялась все больше и больше, она схватила меня за руку и продолжила:

– Пол Тейт вовремя одумался. Понял, что ему лучше встречаться с девочкой своего круга, такой как Сюзетта, а жалкие Лэндри ему не пара.

Чувствуя, как слезы закипают у меня на глазах, я пулей вылетела из туалета. Марианна была права. Я действительно не пара Полу, и девушка вроде Сюзетты Дейзи подходит ему куда больше. Кстати, Сюзетта была очень хорошенькой – тонкие правильные черты лица, длинные каштановые волосы. И что особенно важно, отец ее был богатым нефтепромышленником. Можно было не сомневаться: родители Пола одобряют его новый выбор. И охотно дают машину, когда он отправляется на танцы с Сюзеттой.

Но хотя у Пола все складывалось удачно, порой я ловила на себе его тоскующий взгляд. Особенно откровенной эта тоска становилась, когда мы сталкивались в церкви. Боль, которую ему причинил наш разрыв, постепенно затихала, новый роман помог ему обрести душевное равновесие, и, судя по всему, иногда у него возникало желание поговорить со мной. Но всякий раз, когда он уже был готов уступить этому желанию, какие-то соображения его останавливали.

К счастью, учебный год наконец закончился, и я избавилась от ежедневных встреч с Полом. За школьными стенами мы практически не пересекались, ибо жили в разных мирах. Правда, по воскресеньям я по-прежнему видела его в церкви, в обществе родителей и сестер. Но он даже не смотрел в мою сторону. Бывало, услышав звук, напоминающий треск мотора, я выбегала на галерею и в безумной надежде смотрела на дорогу. Иногда мопед и в самом деле появлялся на дороге, но сидел на нем вовсе не Пол. Порой мимо нашего дома, громко тарахтя, проезжала какая-нибудь старая машина.

В жизни моей наступил период беспросветного уныния. По утрам я с трудом заставляла себя встать с постели. Лето, как назло, выдалось изнурительно жарким и влажным. Каждый день воздух прогревался почти до сорока градусов, а влажность достигала почти ста процентов. Горячий воздух над болотами был недвижим, даже легчайший ветерок не долетал с залива, чтобы принести нам желанную свежесть.

Бабушка Кэтрин изнемогала от жары. Раскаленный влажный воздух давил на нее тяжким грузом. Тем не менее по первому зову она приходила на помощь всем, кто в ней нуждался. Стоило ей услышать, что кто-то мучается от головной боли или укушен скорпионом, она спешила к страждущему. Я очень переживала за бабушку, потому что знала – она вернется усталой, измученной, насквозь промокшей от пота. Я с жалостью смотрела на ее прилипшие ко лбу волосы, на багровые пятна на щеках, но ничего не могла поделать. Те небольшие деньги и продукты, которыми бабушку одаривали за ее помощь, были единственным источником нашего существования – в жаркие летние дни туристы редко появлялись в бухте, и наша торговля практически прекратилась.

На поддержку дедушки Джека рассчитывать не приходилось. Раньше он хотя бы изредка приносил нам деньги, но это осталось в прошлом. Я слышала, он охотится на аллигаторов и продает их каким-то людям в Новом Орлеане, которые делают из крокодиловой кожи кошельки, бумажники, портфели и всякие прочие вещи, столь необходимые в городе. Дедушку я почти не встречала, лишь несколько раз издалека видела на болотах его пирогу. Судя по всему, он ушел в запой и превращал все заработанные деньги в бутылки виски и кувшины домашнего сидра.

Как-то на исходе очередного изнурительно жаркого дня бабушка Кэтрин вернулась от больного еще более усталая, чем обычно. Она едва могла говорить. Поднявшись по лестнице с моей помощью, бабушка буквально рухнула на кровать.

– Бабушка, у тебя дрожат ноги! – воскликнула я, снимая с нее мокасины.

Лодыжки ее так отекли, что мои пальцы оставляли на них глубокие вмятины.

– Ничего страшного! – Она попыталась меня успокоить. – Сейчас я приду в себя, детка. Положи мне на лоб мокрое полотенце, пожалуйста.

Я поспешно выполнила просьбу.

– Полежу немного, сердце успокоится, – сказала бабушка, с усилием улыбаясь.

– Бабушка, прошу, береги себя! – взмолилась я. – Тебе нельзя так много ходить, да еще в жару. Тебе это не по силам.

– Но я должна помогать людям, – покачала головой бабушка Кэтрин. – Именно для этого Всевышний прислал меня сюда.

Я дождалась, пока бабушка задремлет, выскользнула из дома, отвязала на причале нашу пирогу и через болота направилась к хижине дедушки Джека. Печаль и уныние, овладевшие мной в последний месяц, обернулись гневом, сосредоточившимся на дедушке. Он знал, как тяжело нам летом сводить концы с концами, и тем не менее пропивал свои деньги, хотя мог бы помочь. Подобными соображениями с бабушкой Кэтрин я делиться не стала, так как знала, что не найду у нее ни понимания, ни одобрения.

Как всегда бывает летом, болото преобразилось. Аллигаторы, которые в зимние месяцы впадают в спячку, питаясь жиром, накопленным в хвостах, проснулись и вышли на охоту. Вода кишмя кишела змеями – иногда в болотной жиже попадался целый клубок зеленых и бурых веревок. Москиты и прочие насекомые вились над болотом тучами. Жабы с выпученными глазами оглушительно квакали, вибрируя всем телом, нутрии и ондатры сновали туда-сюда в поисках пропитания для своих детенышей. Приглядевшись, повсюду можно было увидеть дома болотных обитателей – холмики и кочки, которых не было прежде, сети, опутавшие стволы и ветви растений. Заметив меня, животные на мгновение отвлекались от своих дел и провожали мою пирогу настороженными взглядами. Болото и само казалось живым существом – изменчивым, подозрительным, непредсказуемым.

Я не сомневалась: бабушка будет очень расстроена, если узнает, что я пробиралась через болото одна, да еще под вечер. Мое намерение поговорить с дедушкой Джеком расстроило бы ее еще сильнее. Но и отказаться от своего плана я не могла – ярость заставляла меня усердно орудовать шестом. Вскоре я увидела его хижину.

Вблизи стало слышно, что из жилища несутся устрашающие звуки: треск мебели, грохот посуды, дедовы вопли и проклятия. Из дверей хижины вылетел стул, в мгновение ока поглощенный болотом. За стулом последовала кастрюля, другая. Остановив пирогу, я ожидала дальнейшего развития событий. На галерее появился сам дедушка Джек – совершенно голый, растрепанный, с кнутом в руках. Даже издалека было видно, что глаза его налиты кровью. На грязной коже спины и ног краснели длинные тонкие рубцы.

Он щелкнул в воздухе кнутом, словно пугая невидимого врага, выкрикнул какое-то ругательство, щелкнул кнутом вновь. До меня дошло: у дедушки приступ белой горячки. Бабушка Кэтрин описывала болезнь, но никогда прежде мне не доводилось видеть, как она проявляется. Когда алкоголь насквозь пропитывает мозги, объясняла бабушка, они размягчаются, и у человека начинаются кошмарные видения. По ее словам, у дедушки нередко случались подобные приступы, во время которых он устраивал в доме настоящий погром.

– Мне приходилось убегать из дома и ждать, пока он перебесится и завалится спать, – рассказывала она. – Иначе он мог прибить меня и даже не заметить этого.

Вспомнив бабушкины рассказы, я двинулась назад и поставила пирогу в маленькой бухте, где дедушка не мог меня разглядеть. Он тем временем без устали щелкал кнутом и орал так неистово, что на шее у него вздувались все жилы. Неожиданно кончик кнута попал в ловушку для ондатр, висевшую на галерее. Вероятно, дедушка решил, что кнут схватило какое-то из осаждавших его чудищ. Взбешенный подобными происками, он зашелся звериным воем и принялся размахивать руками так быстро, что со стороны походил на огромного

паука. Наконец, как и следовало из описаний бабушки Кэтрин, он выбился из сил и повалился прямо на дощатый пол галереи.

Несколько минут я ожидала, не очнется ли он. Но дедушка не шевелился. Сражение с собственной фантазией изнурило его. Подплыв ближе к дому, я увидела, что он крепко спит, свернувшись калачиком. Даже укусы москитов, облепивших обнаженное тело, не могли пробудить его.

Я привязала пирогу к свае и поднялась на галерею. Дедушка лежал неподвижно, лишь грудь его тяжело вздымалась. Затащить его в дом у меня не хватило бы сил. Я могла лишь принести из комнаты одеяло и укрыть его.

Я тихонько толкнула дедушку Джека в бок, но он даже глаз не приоткрыл и продолжал храпеть. В растерянности я постояла над ним. Надежды, пригнавшие меня сюда, улетучились, стоило мне увидеть дедушку и ощутить исходивший от него запах. От него разило так, словно его несколько дней вымачивали в дешевом виски.

– Да, дедушка Джек, вижу, на твою помощь рассчитывать не приходится, – злобно процедила я. – Докатился…

Стоя над бесчувственным телом, я могла дать полную волю ярости и распалялась все пуще.

– Это ж надо – допиться до потери человеческого облика! А на нас тебе плевать. Знаешь, что бабушка Кэтрин чуть жива? Она из сил выбивается, чтобы заработать немного денег. А у тебя одно на уме – жрать виски. Ненавижу кровь Лэндри во мне! – заорала я, ударяя кулаком себя в грудь. – Ненавижу!

Крик мой эхом разнесся над болотом. Потревоженная цапля взмыла в воздух, аллигатор поднял голову из болотной жижи и с любопытством поглядел в мою сторону.

– Раз так, торчи на своих болотах и лакай виски, пока не сдохнешь! – продолжала вопить я. – Мне и дела нет!

Сердце бешено колотилось, по щекам текли слезы – обжигающие слезы обиды и разочарования.

Дедушка как ни в чем не бывало продолжал храпеть. Всхлипывая, я уселась в пирогу и отправилась домой. Лежащий на душе камень стал еще тяжелее.

Теперь, когда занятия в школе закончились, а торговля практически сошла на нет, я больше времени могла уделять живописи. Бабушка Кэтрин первая заметила, что картины мои изменились. Уныние, в ко тором я пребывала, заставляло меня отдавать предпочтение тусклой палитре. На большинстве пейзажей болота были изображены в сумерки или в ночную пору. В холодном свете луны, проникающем сквозь ветви сикаморов и кипарисов, можно было разглядеть настороженные глаза застывших в тени животных и свернувшихся кольцами ядовитых змей, готовых нанести смертельный укус. Над чернильно-темной водой висела густая тень испанского мха, в которой мог запутаться неосторожный путник. Прежде я любила изображать паутину, усеянную каплями росы, сверкающими как драгоценные камни. Теперь на моих картинах паутина по ходила на опасную ловушку, каковой, в сущности, и являлась. Болото, прежде прекрасное и загадочное, ныне виделось мне мрачным и угрожающим; даже если я изображала на картине своего мифического отца, густая тень скрывала его лицо, подобно маске.

– Мне кажется, Руби, людям не слишком понравятся такие картины, – сказала как-то бабушка, наблюдая, как я воплощаю на бумаге очередной свой ночной кошмар. – От них никакой радости. Вряд ли кому-нибудь в Новом Орлеане захочется повесить их в гостиной или в спальне.

– Что же поделать, бабушка, – пожала я плечами. – Теперь я вижу мир именно таким.

Бабушка сокрушенно покачала головой, вздохнула и вернулась в кресло-качалку. Я замечала, что она проводит в ней все больше времени. Даже в пасмурные дни, когда стано-

вилось немного прохладнее, бабушка Кэтрин старалась не выходить из дому. Прежде она любила прогуляться вдоль каналов, но теперь и не вспоминала об этим. Она больше не собирала диких цветов и трав для своих снадобий, старых подруг навещала редко, от приглашений отказывалась. Слишком много дел накопилось, извинялась она, и проводила свободный вечер, подремывая на диване или в кресле.

Если бабушка думала, что мне ее не видно, она потирала грудь напротив сердца, с трудом переводила дыхание. Любая домашняя работа, будь то стирка, мытье полов или стряпня, быстро утомляла ее. Ей приходилось постоянно делать передышку. Однако на все вопросы о здоровье бабушка неизменно отвечала, что волноваться не о чем. Сегодня она и в самом деле чувствует себя не лучшим образом, но это потому, что вчера слишком поздно легла, или слишком быстро поднялась по лестнице, или день выдался нестерпимо жаркий. Иными словами, бабушка Кэтрин отказывалась признать правду, состоявшую в том, что ее здоровье резко ухудшилось.

В третье воскресенье августа я, спустившись вниз, не застала бабушку на кухне. Неужели мне наконец удалось встать раньше ее, да еще в воскресный день? Когда бабушка наконец появилась, она показалась мне бледной, измученной и очень старой – прямо Рип ван Винкль, только что очнувшийся от многолетнего сна. Ходила она чуть перекосившись и прижимала руку к боку.

– Не знаю, что со мной сегодня, – вздохнула она. – Даже и припомнить не могу, когда в последний раз спала так долго.

– Бабушка, боюсь, отвары тебе плохо помогают, – предположила я. – Наверное, знахари не должны лечить себя сами. Может, стоит сходить к док тору?

– Глупости! – отрезала бабушка Кэтрин. – Пока я еще не придумала для себя подходящего лечения, но я на верном пути. Через пару дней от моего недомогания не останется и следа.

Но дни проходили, а лучше бабушке не становилось. Посреди разговора она могла задремать, рот ее открывался, грудь вздымалась так тяжело, словно дыхание стоило ей невероятных усилий.

Впрочем, было два случая, когда бабушка ненадолго приободрялась и становилась прежней. Первый раз такое оживляющее воздействие оказал на нее визит дедушки Джека: он явился к нам просить денег. Произошло это под вечер, когда мы с бабушкой сидели на галерее, наслаждаясь прохладой сумерек. Покачиваясь в кресле, бабушка начала клевать носом; вскоре подбородок ее уткнулся в грудь. Еще мгновение, и она бы окончательно погрузилась в сон, но тут раздались шаги дедушки Джека. Бабушка резко вскинула голову и настороженно прищурилась.

– Любопытно, чего это он притащился? – вопросила она, глядя в темноту, откуда, подобно духу болот, появился дедушка Джек.

Его длинные сальные волосы рассыпались по плечам, желтоватое лицо поросло густой седоватой щетиной, а одежда была такой грязной, словно он не ходил по земле, а ползал. Болотная тина, покрывавшая его ботинки и лодыжки, казалось, присохла к ним намертво.

– Не подходи к нам близко! – вскричала бабушка. – Мы только что пообедали, а от тебя так воняет, что нас того и гляди вырвет!

– Что ты несешь, женщина, – пробормотал дедушка Джек, однако на галерею подниматься не стал.

Остановившись у лестницы, он снял шляпу, с полей которой свисали рыболовные крючки.

– Я пришел просить у вас милости! – возвестил дедушка Джек.

– Милости? – усмехнулась бабушка. – Для кого же?

– Для себя.

От такого ответа бабушка Кэтрин зашлась смехом, покачиваясь в кресле:

– Значит, ты пришел попросить прощения?

– Я пришел попросить денег.

– Что?

Бабушка от удивления прекратила раскачиваться.

– Мотор на моей лодке полетел к чертям, – пояснил дедушка Джек. – А этот проклятый скупердяй Чарли Макдермот не желает мне больше давать в кредит. Если у меня не будет моторки, я не смогу катать охотников по болотам и зарабатывать деньги. И устриц ловить тоже не смогу. Я знаю, у тебя есть кой-какие сбережения, и клянусь…

– Клянешься? – перебила бабушка. – Что толку в твоих клятвах, Джек Лэндри? И чем ты можешь поклясться, хотела бы я знать? Своей душой? Так ей давно уже уготовано теплое местечко – в аду.

Глаза у нее засверкали таким блеском, которого я не видела много дней подряд. Дедушка растерянно молчал.

– Как только заработаю, сразу тебе отдам, – буркнул он наконец.

– Расскажи это кому-нибудь другому, Джек Лэндри, – процедила бабушка. – Если я отдам тебе несколько последних пенни, что у нас остались, ты пулей помчишься за очередной бутылкой и напьешься до беспамятства. Кстати, у нас нет и нескольких пенни. Сам знаешь, летом нам приходится тяжело. Впрочем, тебе же наплевать.

– Я делаю все, что могу, – проворчал дедушка.

– Да, делаешь все, что можешь, чтобы залить себе глотку, – отрезала бабушка Кэтрин.

Я переводила взгляд с бабушки на дедушку. Вид у дедушки Джека был до невозможности потерянный и несчастный. Деньги, которые я получила за свои картины, были целы, и бабушка Кэтрин об этом знала. Я могла бы одолжить их дедушке, если бы была уверена, что он действительно потратит их на новый мотор. Но я боялась и заикнуться об этом.

– Неужели ты позволишь, чтобы я сдох от голода посреди болот и труп мой пошел на корм аллигаторам? – простонал дедушка.

Бабушка выпрямилась во весь рост, который был не столь уж велик – всего пять футов четыре дюйма. Но она так гордо вскинула голову, что казалось, в ней никак не меньше шести футов. Подняв руку, она наставила на дедушку указующий перст. Он испуганно попятился.

– Джек Лэндри, ты давно уже мертвец, пища стервятников, – провозгласила бабушка тоном епископа, обличающего еретика. – Возвращайся в свою могилу и оставь нас в покое.

– Да, а ты зато добрая христианка! – кричал дедушка, опасливо отступая все дальше. – Воплощение любви и милосердия. Знай, Кэтрин, ты ничуть не лучше меня! Ничуть не лучше!

С этими словами дедушка повернулся и припустил наутек. Когда его поглотила ночная тьма, бабушка еще пару минут стояла у перил, вперившись взглядом в сумрак, потом опустилась в кресло.

– Бабушка, я могла бы одолжить ему деньги, которые получила за картины, – осмелилась я подать голос.

В ответ она яростно затрясла головой:

– И думать об этом не смей, Руби! Эти деньги пригодятся тебе самой. К тому же он их все равно пропьет.

Это ж надо додуматься… – пробормотала она чуть погодя, обращаясь скорее к себе самой, чем ко мне. – Прийти сюда и потребовать денег… Да, у этого человека не осталось ни капли совести…

Бабушка долго вздыхала, покачиваясь в кресле. Наконец она задремала. Я смотрела на нее и думала: какие жестокие вещи проделывает с людьми жизнь! Два человека, которые

некогда были полны любви, не выносили разлуки, целовались и шептали друг другу нежности, ныне, словно два дворовых кота в ночи, шипят и выпускают когти друг на друга.

Стычка с дедушкой Джеком привела бабушку в полное изнеможение. Она была настолько обессилена, что смогла добраться до кровати только с моей помощью. Когда она уснула, я еще долго сидела у ее постели. На щеках бабушки рдели багровые пятна, лоб был усеян бисеринками пота. Грудь поднималась и опускалась так тяжело, что я боялась, сердце ее не выдержит подобных усилий и разорвется.

В ту ночь я плохо спала, опасаясь, что утром не застану бабушку Кэтрин в живых. Но к счастью, сон подействовал на нее благотворно. Утром меня разбудил звук ее шагов. Она спешила в кухню, чтобы приготовить завтрак и приступить к новому трудовому дню за ткацким станком.

Пока что покупателей не было, но мы продолжали ткать одеяла и полотенца в расчете на новый туристический сезон. К тому же бабушка обменивала полотенца на пальмовые листья, из которых мы мастерили шляпы и веера. Иногда она варила побольше гумбо и меняла на дубовый луб, из которого мы плели корзинки. Порой нам нечего было предложить в обмен на материалы для наших поделок, и тогда бабушка залезала в свой таинственный сундук и извлекала какую-нибудь ценную вещь, некогда полученную от благодарного пациента в дар за избавление от болезни или злых духов.

В этот трудный период произошел еще один случай, благодаря которому бабушка воспрянула телом и духом. Как-то раз почтальон доставил нам красивый светло-голубой конверт с кружевными узорами по углам. На конверте значилось мое имя. Письмо при шло из Нового Орлеана, вместо обратного адреса стояли два слова: «Галерея Доминик».

– Бабушка, я получила письмо из новоорлеанской галереи! – закричала я, со всех ног припустив к дому.

Глаза бабушки, сидевшей в кресле-качалке, озарились радостью.

– Давай-ка, открывай скорее!

Дрожащими от нетерпения пальцами я разорвала конверт. Из него выскользнул банковский чек на двести пятьдесят долларов и короткая записка:

Поздравляю с продажей одной из Ваших картин. Прочие Ваши работы также вызывают интерес. В ближайшее время намереваюсь нанести Вам визит и познакомиться с новыми произведениями.

Искренне ваш,
Доминик.

Несколько мгновений мы с бабушкой Кэтрин не могли сказать ни слова и лишь глядели друг на друга. Потом она просияла такой счастливой улыбкой, какой я не видела на ее лице никогда прежде. Закрыв глаза, она прошептала короткую благодарственную молитву. Я тем временем недоверчиво таращилась на чек, словно опасаясь, что он растает у меня в руках.

– Бабушка, неужели это правда! Двести пятьдесят долларов! За одну картину!

– Я говорила тебе, что так будет! Говорила! – повторяла бабушка. – Интересно, кто ее купил? Он не написал?

Я покачала головой.

– Ну, это не важно, – продолжала бабушка. – Главное, теперь твоя картина будет висеть в доме какого-нибудь богатого человека. Его друзья, тоже богатые креолы, увидят ее и пойдут в галерею, чтобы посмотреть другие твои работы, узнать, кто ты. А там этот самый Доминик расскажет им о художнице Руби Лэндри, – заключила она, сияя.

– А теперь слушай меня внимательно, бабушка, – произнесла я непререкаемым тоном. – На эти деньги мы с тобой будем жить. Я не хочу, чтобы ты прятала их в сундук, на будущее.

– Может, какую-то часть нам и придется потратить, – кивнула бабушка. – Но и прибе-речь что-нибудь тоже необходимо. Очень скоро тебе понадобятся деньги на дорогу, на приличную одежду и обувь.

– На какую дорогу, бабушка? – удивленно спросила я.

– Ты должна отсюда уехать. И сделаешь это, – веско изрекла она. – А сейчас надо хорошенько отпраздновать твой успех. Думаю, гумбо с креветками – самое подходящее блюдо для такого случая. А на десерт… – бабушка помедлила в задумчивости, – а на десерт я, пожалуй, испеку королевский торт.

Этот торт с разноцветной сахарной глазурью я любила больше всех бабушкиных кулинарных шедевров.

– Пригласим на обед миссис Тибодо и миссис Ливадис, – продолжала бабушка. – Буду хвастаться моей талантливой внучкой, пока они обе не лопнут от зависти. Но прежде всего сходим в банк, получим деньги по чеку.

Впервые за несколько месяцев я ног под собой не чуяла от радости. Я видела, как счастлива бабуш ка, и это делало меня еще счастливее. О, если бы толь ко я могла поделиться этой радостью с Полом! Все лето я видела его только в церкви и один-единственный раз – в городе, когда ходила за продуктами. Выйдя из магазина, я увидела Пола: он сидел в отцовской машине, которая стояла напротив, у банка, и смотрел в мою сторону. Я надеялась, он улыбнется, но в это мгновение из дверей банка появился его отец, и Пол резко отвернулся. Машина сорвалась с места. К моему великому разочарованию, Пол даже не оглянулся.

Мы с бабушкой отправились в город обналичить чек. По пути заглянули к миссис Тибодо и миссис Ливадис и пригласили их на праздничный обед. Когда мы вернулись, бабушка принялась за стряпню с давно забытым пылом. Я помогала ей готовить и накрывать на стол. Бабушке очень хотелось произвести впечатление на своих подруг, и она поместила посреди стола пачку двадцатидолларовых купюр, перевязанную красной шелковой лентой. В ответ на удивленные расспросы наших гостий она с гордостью поведала, каким образом я получила эти деньги. Сказать, что миссис Тибодо и миссис Ливадис были поражены, означало не сказать ничего. Многим в нашей бухте и за месяц не удавалось заработать таких денег.

– Меня это ничуть не удивляет, – заявила бабушка. – Я всегда знала, что Руби станет знаменитой художницей.

– Ох, бабушка, пока до этого еще далеко, – пробормотала я, смущенная всеобщим вниманием.

– Ты на верном пути и непременно станешь известной, только подожди, и увидишь, – предрекла бабушка Кэтрин.

После этого все принялись за гумбо. Разговор перешел на различные кулинарные рецепты. Удивительно, сколько существует рецептов приготовления гумбо, думала я. У каждой женщины в нашей бухте есть свой рецепт. Меня забавляло, с какой горячностью бабушка и ее подруги отстаивали ту или иную комбинацию ингредиентов, способ получения наилучшего ру. Застольная беседа стала еще оживленнее, когда бабушка достала домашнее вино, которое берегла для особых случаев. Одного бокала хватило, чтобы голова у меня пошла кругом, а щеки зарделись. Но бабушка и ее подруги опрокидывали бокал за бокалом, словно это была вода.

Вкусная еда, вино, веселые голоса и смех напомнили мне те счастливые вечера, когда мы с бабушкой вместе ходили на вечеринки и гулянья. Больше всех праздников я любила тот, что назывался «Цыпленок для новобрачных». На этот праздник каждая женщина приносила цыпленка, чтобы в доме молодой четы всегда царило изобилие. Столы ломились от угощения, играла музыка, все танцевали и веселились. Бабушка Кэтрин, целительница и знахарка, всегда была на таких сборищах почетной гостьей.

Когда мы съели торт, запивая его густым, крепким каджунским кофе, я попросила бабушку и ее подруг перейти на галерею, а сама принялась убирать со стола и мыть посуду.

– Нет-нет, мы не позволим виновнице торжества делать грязную работу! – возразила миссис Тибодо, но я настояла на своем.

Покончив с уборкой, я вспомнила про пачку купюр, по-прежнему лежавшую на столе, и спросила бабушку, что с ней делать.

– Убери деньги в мой сундук, детка, – ответила она.

Удивлению моему не было границ. Никогда прежде бабушка Кэтрин не позволяла мне открывать драгоценный сундук и тем более рыться в нем. Лишь изредка мне удавалось заглянуть внутрь из-за бабушкиного плеча и полюбоваться домотканными салфетками и полотенцами, столовым серебром и жемчужными ожерельями. Мне ужасно хотелось узнать, какие еще сокровища скрываются в глубине, но бабушка Кэтрин всегда опускала крышку слишком быстро. Без ее разрешения я и приближаться к сундуку не осмеливалась.

Теперь мне предстояло опустить в его таинственные недра свалившееся на меня состояние. Увы, открыв сундук, я с горечью увидела, что он опустел. Почти все полотенца и покрывала исчезли, из столового серебра остался один лишь небольшой бокал. Бабушке пришлось продать и обменять куда больше, чем мне представлялось. Сердце у меня защемило. Каждая вещь в бабушкиной сокровищнице была дорога ей не только своей стоимостью. Опустившись на колени, я рассматривала жалкие остатки: нитку бус, браслет, несколько вышитых салфеток, пачку документов и фотографий, перетянутую резинкой. Среди этих документов были мои справки о прививках, бабушкино свидетельство об окончании школы, несколько старых писем, чернила на которых успели основательно выцвести.

Я принялась перебирать фотографии. Вот дедушка Джек в молодости. Тут ему, наверное, лет двадцать с небольшим. Поразительно, каким он был красавцем! Высокий, темноволосый, с широкими плечами и тонкой талией. Голову держит гордо и прямо, улыбается ослепительно. Понятно, что бабушка Кэтрин не могла перед ним устоять. А вот еще одна фотография – старая, пожелтевшая. На ней изображены отец и мать бабушки Кэтрин, мои прадедушка и прабабушка. Хотя фотография сильно выцвела, можно разглядеть, что прабабушка была красивой женщиной. У нее тонкие черты лица, мягкая обаятельная улыбка. Прадедушка держится с большим достоинством. Он строго поджал губы и выглядит очень серьезным.

Я положила назад документы и фотографии и уже хотела опустить в сундук деньги, как вдруг заметила, что из старинной Библии в кожаном переплете торчит уголок еще одной фотографии. Вытащив Библию, я осторожно перелистала ее потрепанные по краям страницы и уставилась на снимок.

На нем был элегантный мужчина на фоне какого-то роскошного особняка. Он держал за руку маленькую девочку, похожую на меня в детстве. Я ошеломленно пожирала фотографию глазами. Девочка походила на меня так сильно, словно это была я. Чтобы убедиться в сходстве, я сбегала в свою комнату, принесла детскую фотографию, поставила рядом с находкой и принялась изучать оба изображения.

На обеих фотографиях я, нет сомнений. Но кто он, этот мужчина, держащий меня за руку? И когда была сделана фотография? Здесь мне как минимум лет шесть-семь. Не так уж мала, чтобы ничего не помнить. Конечно, память моя сохранила бы и дом, и мужчину. Перевернув фотографию, я увидела на обратной стороне несколько строк.

Дорогая Габриелла!

Думаю, тебе приятно будет получить эту фотографию, сделанную в ее седьмой день рождения. Волосы у нее в точности такие, как у тебя. И вся она – живое воплощение моих мечтаний.

С любовью,
Пьер.

Пьер? Кто он такой, этот Пьер? Судя по надписи, эта фотография была послана моей маме. Значит, это мой отец? Разве мы с ним встречались? Но как он мог писать маме обо мне? В мой седьмой день рождения она давным-давно была мертва. Неужели он этого не знал? Нет, это невозможно. Если он виделся со мной, пусть на короткое время, значит должен был узнать, что мама умерла. И почему встреча с ним полностью стерлась из моей памяти?

Вопросы теснились в голове, словно пчелиный рой, внутренности сжимались от тревожных предчувствий. Я снова и снова сравнивала лица на фотографиях. Без сомнения, это одна и та же девочка, и эта девочка – я. Меня держит за руку человек, которого я совершенно не знаю.

Я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь успокоиться. Совершенно ни к чему, чтобы бабушка Кэтрин и ее подруги, взглянув на меня, мгновенно поняли – случилось нечто из ряда вон выходящее. Хотя, конечно, скрыть что-нибудь от проницательного взора бабушки практически невозможно. К счастью, когда я спустилась, бабушка и ее подруги были так поглощены обсуждением различных рецептов соуса равигот, что почти не обратили на меня внимания.

Наконец наши гостьи решили, что настало время расходиться по домам. Напоследок они вновь осыпали меня поздравлениями и поцелуями. Бабушка Кэтрин с гордостью наблюдала за этой сценой. Проводив гостей, мы с бабушкой вернулись в дом.

– Давно я так славно не проводила время, – призналась бабушка. – А ты, моя маленькая хозяюшка, гляди-ка, уже навела полную чистоту. Девочка ты моя дорогая, знала бы ты, как я тобой горжусь…

Бабушкины глаза, неотрывно глядевшие на меня, подозрительно прищурились. Она, конечно, утомилась от долгих разговоров, щеки ее пылали от выпитого вина, но дух бодрствовал, и восприятие было острым, как всегда. Она сразу почуяла, что в душе у меня полный сумбур.

– Что произошло, Руби? На тебе лица нет.

– Бабушка, – начала я, – ты сама послала меня наверх положить деньги в сундук.

– Да, – произнесла бабушка, тяжело перевела дыхание и прижала руку к сердцу. – Ты рылась в моих вещах?

– Ничего я не рылась. Мне просто захотелось посмотреть старые фотографии – твои, дедушки Джека, твоих родителей. А потом я увидела, что-то торчит из старой Библии, и вытащила вот это.

Я протянула бабушке фотографию неведомого Пьера и маленькой девочки.

Она взглянула на снимок с содроганием, словно то был предмет, приносящий неисчислимые беды и несчастья. Медленно взяв фотографию из моих рук, бабушка Кэтрин опустилась в кресло.

– Кто этот человек, бабушка? – настаивала я. – И эта девочка – это ведь я, верно?

Она подняла на меня исполненный печали взгляд и покачала головой:

– Нет, Руби. Это не ты.

– Но она похожа на меня как две капли воды. Вот, погляди. – Я протянула ей фотографию, на которой мне тоже было лет семь. – Одно лицо, правда?

Бабушка кивнула.

– Да, одно лицо, – признала она, глядя то на один снимок, то на другой. – Но это не ты.

– Тогда кто же это, бабушка, скажи наконец! И кто этот человек?

Бабушка явно пребывала в замешательстве. Я чувствовала, как внутри порхают сотни бабочек и крылышки их щекочут мне сердце и желудок. Из-за этой нестерпимой щекотки перехватывало дыхание.

– Когда я велела тебе положить деньги в сундук, я думать не думала, что ты увидишь фотографию, – медленно произнесла бабушка. – Но может, то была воля Провидения. Наверное, время пришло…

– Для чего, бабушка?

– Рассказать тебе правду.

Бабушка откинулась на спинку кресла. На лице ее застыло выражение беспредельной усталости, слишком хорошо мне знакомое.

– Ты должна узнать, почему я выгнала твоего деда из дома, почему он живет на болоте, как дикий зверь. Впрочем, звери не поступают так, как поступил он…

Бабушка опустила веки и принялась что-то бормотать себе под нос. Я чуть не плакала от нетерпения:

– Кто же та девочка, если не я? Бабушка, умоляю, скажи, не тяни!

Бабушка Кэтрин смотрела на меня с невыразимой грустью. Красные пятна на ее щеках исчезли, теперь лицо ее было белым как мука.

– Это твоя сестра, – проронила она наконец.

– Сестра! – не поверила я своим ушам.

Бабушка кивнула и закрыла глаза. Она сидела с закрытыми глазами так долго, что я отчаялась дождаться разъяснений.

– А человек, который держит ее за руку… – Бабушка осеклась, но ей не было нужды продолжать.

Слово это молотом стучало у меня в мозгу.

– Это твой отец, – донеслось откуда-то издалека.

6. Еще одна тайна

– Бабушка, значит, ты все это время знала, кто мой отец? Но почему ты мне ничего не сказала? Где он живет? И как получилось, что у меня есть сестра? Зачем понадобилось делать из этого тайну? И как все это связано с дедушкой?

Вопросы, теснившиеся у меня в груди, рвались наружу, и я едва успевала их выговаривать.

Бабушка молчала, закрыв глаза. Я догадывалась, что она собирается с силами. Погружается в глубины своей души и там черпает энергию, позволяющую исцелять больных каджунов и изгонять злых духов.

Сердце мое, переполненное безответными вопросами и недоумением, билось уже где-то в глотке, мешая дышать. Голова шла кругом. В мире воцарилась напряженная тишина. Казалось, все его обитатели – звери, птицы, насекомые, даже ветер – замерли в ожидании. Через несколько мгновений веки бабушки Кэтрин дрогнули. Ее бездонные черные глаза смотрели на меня с состраданием и грустью. С губ ее сорвался едва слышный стон, а потом она заговорила:

– Я знала, что этот день непременно настанет, и боялась этого. Я пыталась скрыть от тебя, до какой низости дошел твой дедушка. Пыталась скрыть, какой трагичной была короткая жизнь твоей матери. Но рано или поздно правда выходит наружу. Прошу об одном, Руби: не кори меня за то, что я держала тебя в неведении так долго. Я думала, что делаю это ради твоего блага. Но признаюсь откровенно, – про должала бабушка Кэтрин, сцепив руки на коленях, – я хранила тайну не только потому, что заботилась о твоем покое, моя девочка. Я молчала из эгоизма. Мне хотелось, чтобы ты оставалась со мной. Ведь ты – живое напоминание о моей бедной дочери, которую я потеряла так рано… – Бабушка смолкла, не сводя с меня глаз. Потом про должала: – Если я совершила грех, надеюсь, Господь простит меня. Ведь я не хотела зла. Мною двигала любовь к тебе, хотя, поступи я иначе, ты жила бы в лучших условиях и не знала бы нужды.

Бабушка откинулась на спинку кресла и испустила вздох, словно готовясь сбросить тяжесть, камнем лежавшую на сердце.

– Бабушка, мне все равно, что ты сделала, все равно, что думала! – заверила я ее. – Что бы ты сейчас ни рассказала, я не буду любить тебя меньше!

Губы бабушки тронула едва заметная улыбка.

– В любом случае, Руби, хранить тайну дальше нет смысла. Конечно, не будь тебя рядом все эти годы, мои силы и способности, данные мне от природы, давным-давно иссякли бы. Ты всегда была для меня и спасением, и надеждой. И так будет до конца моих дней. Но конец этот уже недалек. Мне настала пора оставить этот мир, а тебе – покинуть бухту и жить там, где ты должна жить.

– Но где я должна жить, бабушка?

– В Новом Орлеане.

– Потому что я хочу стать художницей? – спросила я, заранее зная ответ.

Именно так бабушка говорила прежде множество раз.

– Не только из-за этого, – покачала головой бабушка. Она помолчала, потом, сделав над собой усилие, заговорила: – После этой истории с отцом Пола Тейта Габриелла стала скрытной и замкнутой. Несмотря на все мои мольбы, она отказывалась ходить в школу, целыми днями бродила по болотам, а с людьми почти не общалась. Можно сказать, она слилась с болотами воедино, стала их частью, такой же, как птицы, растения и животные. Теперь она дарила свою любовь только природе, потому что чувствовала – природа не способна на предательство. И природа принимала ее с распростертыми объятиями. Птицы любили ее так

же горячо, как она любила их. Часто я замечала, как болотные ястребы любуются ею и следуют за ней по пятам, перелетая с дерева на дерево. Да, Габриелла пропадала на болотах целыми днями. Уходила утром, а возвращалась вечером, с цветами в волосах. Часами могла сидеть на берегу как зачарованная: смотрела на воду, слушала пение птиц. Вокруг нее собирались лягушки, и порой мне казалось, что она ведет с ними разговоры. Никто из обитателей болота не причинял ей вреда. Даже аллигаторы держались от Габриеллы на почтительном расстоянии и лишь с любопытством поглядывали на нее. Можно было подумать, болото считало ее своей. Она больше не принадлежала миру людей – она принадлежала природе. С пирогой она управлялась куда ловчее, чем твой дедушка Джек. Знала каналы как свои пять пальцев. Ей никогда не случалось завязнуть в тине или попасть в водоворот. Она забиралась вглубь болот, в места, куда редко попадают люди. Пожелай она только, из нее вышел бы проводник по болотам куда лучше твоего дедушки, – со вздохом добавила бабушка Кэтрин. – Время шло, и Габриелла становилась все красивее. Она словно впитывала окружавшую ее красоту природы. Лицо ее казалось прекрасным цветком. Щеки нежные, как лепестки розы, глаза бездонные, как омуты, и в них отсветы полуденного солнца. Двигалась она грациозно и легко, как олень. Олени, кстати, совершенно ее не боялись, подходили и позволяли гладить себя по голове. Я видела это собственными глазами.

Бабушка едва заметно улыбнулась, любуясь возникшей в ее памяти картиной, которую мне отчаянно хотелось увидеть.

– Никогда мне не доводилось слышать ничего приятнее смеха Габриеллы, нежного и мелодичного, как музыка, – снова заговорила бабушка. – Никогда я не видела ничего прекраснее улыбки, освещавшей ее лицо подобно солнечному лучу. Когда я была маленькой девочкой, куда меньше, чем ты сейчас, моя бабушка рассказывала мне истории о болотных феях, нимфах, которые скрываются в сокровенных местах и показываются лишь людям с чистым сердцем. Помню, как мне хотелось взглянуть на такую нимфу хотя бы краешком глаза. Когда я глядела на свою собственную дочь, мою Габриеллу, мне казалось, что давняя моя мечта исполнилась.

Бабушкины глаза увлажнились. Она смахнула слезу со щеки и продолжала:

– Года через два после истории с Тейтом в наши края приехал из Нового Орлеан один богатый креол, желавший поохотиться на уток. С ним был сын, на редкость красивый молодой человек. В городе им посоветовали нанять твоего дедушку, который, надо отдать ему должное, был лучшим проводником по болотам. Молодой человек, которого звали Пьер Дюма, влюбился в твою мать, едва увидев, как она идет по берегу канала с птенцом рисовой птички на плече. Ее длинные волосы, покрывавшие почти всю спину, отдавали золотом. От меня она унаследовала большие черные глаза, от дедушки – смуглую кожу и зубы, белые и ровные, как клавиши нового аккордеона. Мужчины по-прежнему сходили по ней с ума, но Габриеллу ухажеры больше не интересовали. Когда очередной поклонник пытался с ней заговорить, она в ответ заливалась серебристым смехом и исчезала так стремительно, словно действительно была духом болот, феей из сказок моей бабушки. Но от Пьера Дюма она убегать не стала. Конечно, парень был просто загляденье – высокий, стройный, одет с иголочки. Но после она призналась мне, что дело было не только в его красоте. Глядя на него, она ощутила, что сердце его способно на любовь и нежность. В отличие от других мужчин, от него не исходило угрозы – так она сказала. Я никогда не видела, чтобы молодой человек потерял голову от любви так стремительно, как Пьер. Он был готов бросить все, уйти вслед за Габриеллой в болота и жить там на кочке, лишь бы она была рядом.

Я слушала, боясь проронить хоть слово. Бабушкин рассказ лился теперь спокойно и плавно.

– Но проблема состояла в том, что молодой человек уже года два как был женат. Семья его относилась к числу самых аристократических и богатых в Новом Орлеане. Такие семьи

очень дорожат собственной родословной. Невест и женихов для своих отпрысков они выбирают из узкого круга, дабы укрепить свое положение в обществе и не нарушить чистоту голубой крови. Молодая жена Пьера тоже происходила из состоятельной и уважаемой креольской семьи. Но увы, все эти два года ей никак не удавалось забеременеть, что приводило в отчаяние отца Пьера, Шарля Дюма. Перспектива того, что род его прервется, была для него настоящей катастрофой, как, впрочем, и для самого Пьера. Но они были благочестивыми католиками, а значит, не допускали и мысли о разводе. Усыновление тоже их не привлекало: Шарль хотел, чтобы в жилах его внуков текла благородная кровь Дюма. Так или иначе, у Пьера и его отца вошло в привычку приезжать по выходным в Хоуму и охотиться на уток. Иногда они появлялись вдвоем, но чаще мы видели здесь одного Пьера. И постепенно он стал все больше времени проводить в обществе Габриеллы, все меньше – в обществе дедушки Джека. Естественно, меня все это не могло не тревожить. Даже если бы Пьер не был женат, отец никогда не позволил бы ему привести в дом простую каджунскую девушку, выросшую на болотах. Я пыталась предостеречь Габриеллу, но она лишь улыбалась в ответ. Удержать ее было невозможно, как нельзя удержать ветер. «Пьер никогда меня не обидит», – говорила она, выслушав все мои предостережения. Вскоре молодой человек перестал изображать, что приезжает ради охоты. Они с Габриеллой брали с собой корзинку с едой, садились в пирогу и направлялись вглубь болот, в уединенные места, известные лишь моей дочери.

Бабушка смолкла и уставилась на собственные руки, лежавшие на коленях. Когда она вновь подняла голову, глаза ее были полны слез.

– На этот раз Габриелла не стала говорить мне, что беременна. Да в этом и не было надобности. Я догадалась об этом по ее лицу, и округлившийся живот лишь подтвердил мою догадку. Когда я вызвала ее на откровенный разговор, она расплылась в улыбке и заявила, что будет счастлива родить ребенка от Пьера. Сказала, что научит его любить все то, что так любит сама, – здешние края, наши болота, их обитателей. А еще Габриелла взяла с меня обещание: если с ней что-нибудь случится, сделать все, чтобы ребенок остался здесь, в бухте, и вырос среди природы, которую так любила его мать. Да простит мне Господь, я дала ей это обещание, хотя мысль о том, что моя Габриелла окончательно погубит свою репутацию, приводила меня в ужас. Мы попытались напустить туману, придумав историю о случайном путешественнике, танцевавшем с Габриеллой файс-додо. Некоторые поверили в нашу выдумку. Но по большей части людям было наплевать, как все вышло. Они просто радовались еще одному предлогу презирать семейство Лэндри. Даже мои лучшие подруги встречали меня насмешливыми улыбками и перешептывались за спиной. Те, кого я избавила от болезней и прочих бед, платили мне за добро, разнося сплетни о моей дочери.

Бабушка вдохнула полной грудью. Судя по всему, запас ее внутренней энергии иссяк, и теперь она пыталась черпать силы из воздуха.

– Меж тем твой дедушка и отец Пьера втайне от меня решили обсудить ситуацию. У дедушки уже имелся опыт продажи незаконного ребенка Габриеллы. С тех пор страсть к игре засосала его еще глубже. Он проигрывал все свои деньги и был должен всем и каждому. И конечно, когда Шарль Дюма предложил за ребенка Пьера пятнадцать тысяч долларов, твой дедушка не устоял. Он дал согласие. В Новом Орлеане они все сделали для того, чтобы ни одна живая душа не усомнилась: жена Пьера беременна и в скором времени должна разродиться. У дедушки Джека хватило наглости сказать Габриелле, что ребенка придется отдать; тем самым он разбил ее сердце. Я была вне себя от злости. Но худшее было еще впереди.

Бабушка в изнеможении откинулась на спинку кресла и закусила нижнюю губу. Слезы застилали ей глаза, веки покраснели. Но она была верна своему намерению довести рассказ до конца, не дав печали одержать над собой верх. Я вскочила со стула и принесла ей стакан воды.

– Спасибо, лапочка, – сказала бабушка, отпивая из стакана. – Ничего, со мной все хорошо.

Я вернулась на свое место и замерла, превратившись в слух.

– Бедная Габриелла была отравлена печалью, – заговорила бабушка. – Она чувствовала, что ее предали. Причем предал не только родной отец. Знаешь, она всегда была очень снисходительна к дедушке Джеку, принимала его недостатки и слабости как должное, в точности так, как принимала жестокость природы. Да, в ее глазах он был творением природы, и все свойства его характера вполне отвечали природному замыслу. Но когда она узнала, что Пьер дал согласие на сделку, придуманную отцом, это потрясло ее. Разумеется, наедине друг с другом они говорили о ребенке, которому предстояло вот-вот появиться на свет. Пьер обещал, что поможет ей деньгами и постарается навещать как можно чаще. Когда дело касалось дальнейшей участи ребенка, будущие родители не знали разногласий: он должен вырасти здесь, в бухте, и стать частью мира, который так любит его мать. Пьер клялся, что тоже любит этот мир всем сердцем, ведь именно здесь он встретился с Габриеллой. И вдруг выясняется, что ребенка собираются у нее отнять и что ее возлюбленный на это согласен. Удар был так силен, что у Габриеллы земля ушла из-под ног. Она впала в апатию и целыми днями недвижно сидела в тени кипарисов. Взгляд ее, устремленный в сторону болот, был исполнен упрека, словно природа оказалась заодно с предателями. Габриелла поклонялась природе, как божеству, была очарована магией болот и не сомневалась, что Пьер тоже находится во власти этих чар. А теперь ей пришлось осознать, что он по-прежнему всецело принадлежит другому миру, властному и жестокому. Этот мир предъявляет ему свои требования, которым ее вероломный возлюбленный вынужден повиноваться. Несмотря на все мои уговоры и увещевания, Габриелла почти ничего не ела, – глядя в пространство, продолжала бабушка. – Я всячески изощрялась, готовя травяные отвары, которые должны были поддержать силы и обеспечить организм веществами, необходимыми ей и ребенку. Но боюсь, она выплескивала мои снадобья. А может, пожиравшая ее печаль была сильнее той пользы, которую они приносили. Вместо того чтобы расцвести на последних неделях беременности, она побледнела и угасла. Под глазами у нее залегли темные круги, она еле двигалась и большую часть дня проводила в постели. Я видела, каким огромным стал у нее живот, и догадывалась о причине. Но я никому ни словом не обмолвилась о своих догадках: ни Габриелле, ни твоему дедушке Джеку. Потому что боялась: стоит ему об этом узнать, и он помчится заключать вторую сделку.

– О чем узнать? – выдохнула я.

– О том, что Габриелла родит двойню.

На несколько мгновений сердце мое замерло. Когда смысл бабушкиных слов наконец дошел до меня, мне показалось, в голове у меня что-то взорвалось.

– Двойню? Значит, у меня есть сестра-близнец?

Хотя я изо всех сил пыталась найти объяснение собственному загадочному сходству с маленькой девочкой на фотографии, до подобной возможности я не додумалась.

– Да. Твоя сестра родилась первой, и нам пришлось отдать ее. Никогда не забуду ту ночь, – вздохнула бабушка. – Твой дедушка Джек сообщил Дюма, что у Габриеллы начались схватки. Они примчались в своем лимузине и ждали у дома. Они привезли с собой акушерку, но я не позволила ей войти. Подходя к окну, я видела, как в темноте светится огонек сигары старшего Дюма: он курил, не выходя из машины. Как только твоя сестра появилась на свет, я искупала ее и передала дедушке. Он, похоже, радовался, что я оказалась такой сговорчивой и не стала чинить ему никаких препятствий. Схватил ребенка и со всех ног бросился за своими проклятыми деньгами. К тому времени, как он вернулся, уже родилась ты. Я успела выкупать тебя, запеленать и передать в слабеющие руки твоей матери. Когда дедушка тебя увидел, он просто рвал и метал. «Как ты могла скрыть, что младенцев будет двое! – вопил

он. – Как ты могла выбросить на ветер пятнадцать тысяч долларов!» Потом он решил, что еще не поздно поправить дело. Попытался схватить тебя и бежать вслед за лимузином. Но тут я хорошенько двинула ему в лоб сковородкой, которую держала под рукой специально для этой цели. Твой дедушка кулем рухнул на пол. Пока он валялся без сознания, я собрала все его пожитки в два мешка. Когда он очнулся, я велела ему выметаться из дома. Сказала, если он будет упираться, все вокруг узнают, какого рода дельце он провернул. Ему ничего не оставалось, как убраться прочь и поселиться в охотничьей хижине. С тех пор он так и живет на болоте. А я не устаю радоваться, что избавилась от этого пропойцы! – заключила бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.